

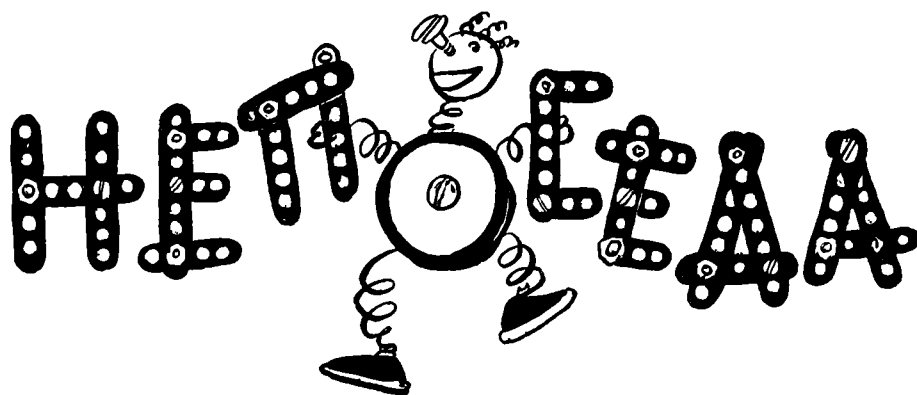
ЕФИМ ЧЕПОВЕЦКИЙ

НЕПОСЕДА, МЯКИШ и НЁТАК

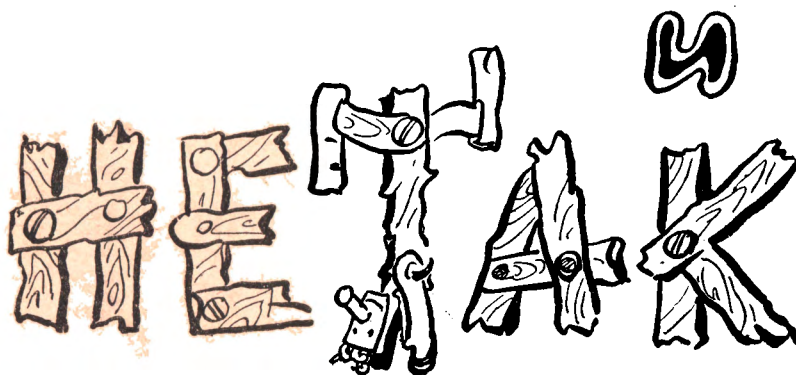

ЕФИМ ЧЕПОВЕЦКИЙ

МОКИШ

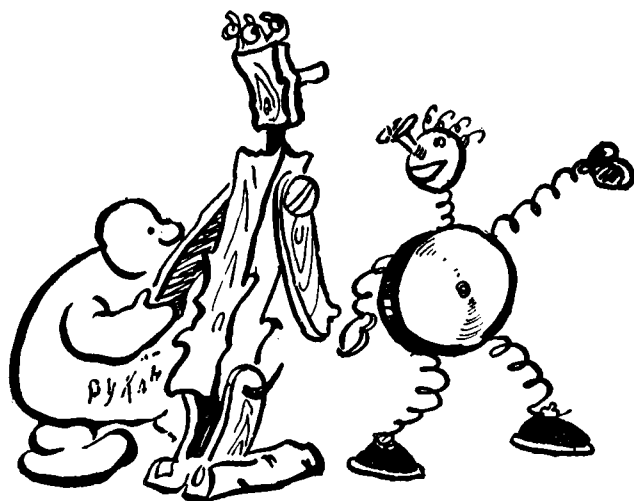
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА 1959

ТЫ ОТКРЫЛ ЭТУ КНИГУ, - ЗАДРАВСТВУЙ!

*Я давно хотел тебе рассказать
о небывалых приключениях
трёх трущечных мальчиков*

**НЕПОСЕДЫ,
МЯКИША,
НЕТАКА**

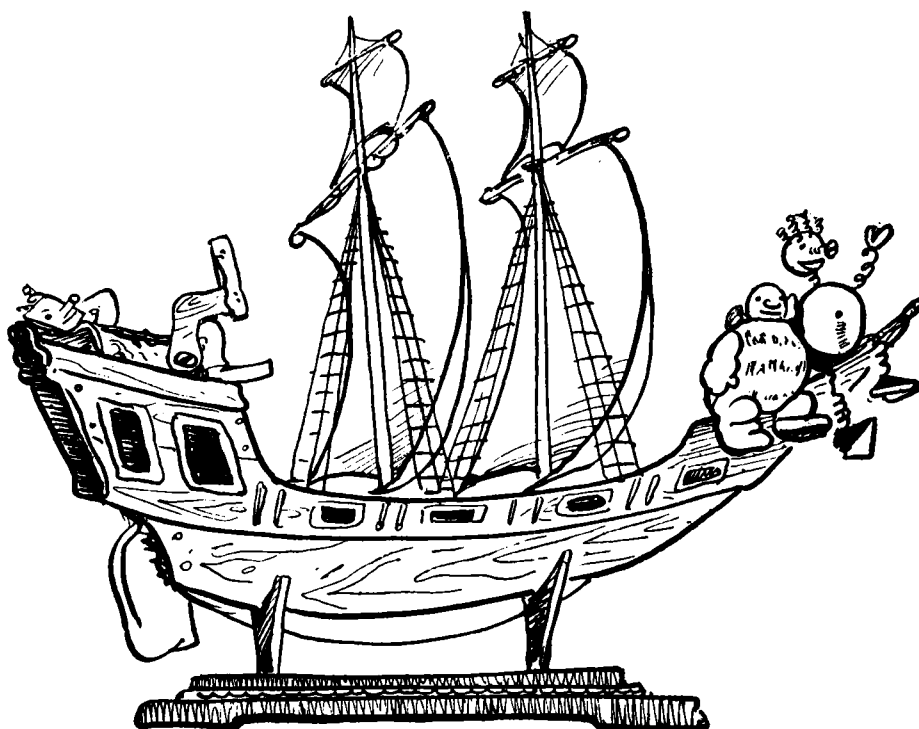
И

*правдивую историю Пети,
по фамилии*
МАМИН-ПАПИН

Рисунки Г. Мазурина

3

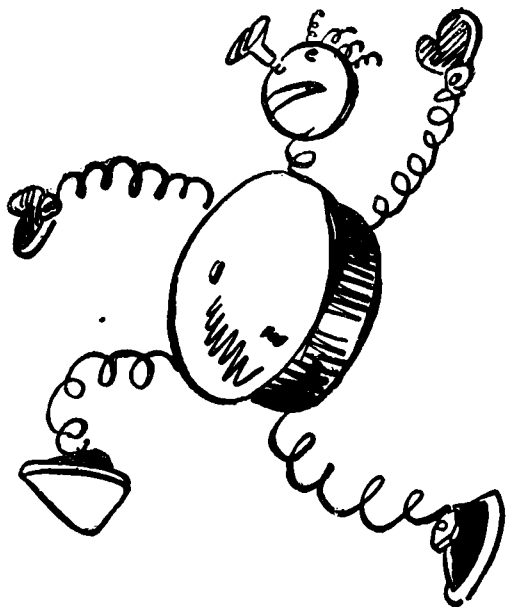
ГЛАВА ПЕРВАЯ, *без которой эта история не имела бы начала*

наешь ли ты, для чего в школах на дверях каждого класса висят таблички: «1-й А», «3-й Б» или, скажем, «10-й В»? Не знаешь? ..

Я думаю, это для того, чтобы ученики первых классов не ходили в десятый, а десятого — в первый. Впрочем, кто со мной не согласен — пусть поднимет руку и скажет, что думает он.

Так вот, в одной школе была комната, на дверях которой не было написано ни «1-й класс», ни «3-й», ни «Учительская», а висела табличка, на которой разноцветные буквы как бы сами говорили:

МАСТЕРСКАЯ — УМЕЛЫЕ РУКИ

Как раз тут вы могли бы встретить ребят и первого и десятого классов, потому что, если верить слухам, которые на переменках ходили и бегали по школе, комната эта считалась самой интересной. Там на столах и полочках стояли самодельные машины, грозно рычали тряпичные львы, набитые ватой, и прямо в рот просились аппетитные глиняные фрукты. А на самой верхней полке, в трюме старого парусного фрегата, жили три мальчика. Они были почти совсем как жи-

вые мальчики, и единственное, что отличало их от настоящих, — это то, что они были ненастоящие. Правда, сами они считали себя живыми и настоящими, но об этом никто не знал.

Все три мальчика были игрушечные, но все три разные. Один был сделан из тонких пружинок. Руки из пружинок, ноги из пружинок и даже ёжик на голове — из упрямых пружинистых волосков. Конечно, этот мальчик никогда не мог находиться в покое. Подумайте сами, ведь он был сплошной пружинкой! Бывало, начнёт прыгать через прыгалку, а остановиться не может — пружинки не дают. Ну, а усидеть на месте — и подавно не проси.

Пришлось его так и назвать: НЕПОСЕДОЙ.

Была у него своя собственная песенка, которую он пел даже тогда, когда его не просили. Вот она какая:

Сама, сама под ножки
Бежит, бежит дорожка,
Бегу, лечу — везде хочу поспеть!
Я рад побыть на месте,

Но как могу я, если
Не в силах я на месте усидеть?
И ножки из пружинок,
И ручки из пружинок —
На солнышке сверкают, как огни...
Сама, сама под ножки
Бежит, бежит дорожка,
Попробуй Непоседу догони!

Второй мальчик был совсем другой. Он был сделан из пластилина. Круглый, толстый и очень нежный. В морозный день каменил: съёжится так, что рук не разнять. А в жару становился мягким и липким — ног от пола не отодрать. Да и связываться с ним не смей — весь в нём увязнешь. И до того ленив, что слова из него не вытянешь. Но уж если что-нибудь такое скажет, то обязательно очень умное, потому что времени на размышления у него было более чем достаточно. Бывало, придумает что-нибудь интересное, захочет об этом сказать, крикнет:

— Эй, ребя, а что я зна...

— Что, что? — спросят его.

А он уж и размяк: рот откроет, тяжело вздохнёт, и только слышно:

— Э-э-э... а-а-а... по-осле скажу, — и зевнёт напоследок. Сплошной мякиш какой-то.

Так и прозвали его: МЯКИШЕМ.

И у него была своя песенка, песенка-зевалка. Но пел он её редко, в перерывах между сном, когда переворачивался с боку на бок. Вот послушайте, какая она:

Мякиш я, но я не глина —
Сделан я из пластилина,
Не люблю я бегать и скака-а-ать.
Я одним лишь озабочен:
Был бы день короче ночи,
Чтобы мне подольше подрема-а-ать...

А третий мальчик был не похож ни на первого, ни на второго. И всё потому, что был сделан из очень твёрдого сучковатого дерева, которое не всякая пила возьмёт. Весь какой-то неотёсанный, угловатый, брови всегда нахмурены, и всё делал не так, всё — наоборот. Скажут ему: «Сядь!» — он встанет. Скажут: «Иди!» — он стоит. Если хорошо — говорит «плохо», если плохо — говорит «хорошо», и всегда любил приговаривать: «не так» да «не так».

Так и прозвали его: НЕТАКОМ. Лучше не придумаешь, сколько ни думай.

Конечно, и у него была своя песенка, песенка-наоборотка, и пел он её своим деревянным, трескучим голосом всегда невпопад, чаще всего, когда другие спали. Послушайте и её.

До чего смешной народ —
Всё везде наоборот:
За столом — сидят, едят,
Почему-то ночью спят,
По траве и мостовой
Ходят кверху головой.
Кто ж к порядку призовёт?
Всё везде наоборот.
Только раки догадались —
Ходят задом-наперёд.
Вот!

Хотя мальчики не умели ни читать, ни писать, всё же неучами их назвать нельзя было: ведь они имели дело только с образованными людьми — учениками третьего класса!

Правда, считать игрушечные мальчики умели только от двух до пяти, потому что меньше «двойки» и больше «пятерки» в этой школе никому не ставили. Зато они отлично знали, как устроена рогатка, отчего в дневниках вместо двоек бывают дырки и почему в арифметические задачки, туда, где стоит решение, попадают са-

мые разлапистые и хвостатые кляксы. Всё это они знали потому, что у ребят от них никаких секретов не было. Уж кто-кто, а игрушечные мальчики умели держать язык за зубами.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Приключения начинаются

Как-то утром, когда жаркое июньское солнце заглянуло в комнату и разбудило игрушечных мальчиков, они не узнали школы. Произошло что-то непонятное: из коридоров не доносились споры и крики, в классах не хлопали крышки парт, ни одна дверь не прищемляла девчоночьих кос, не ездили подошвы по паркету и ни одна чернильница... Впрочем, это уже неважно. Важно то, что всю школу заполнила тишина, необычная и непонятная.

— Что, что? Что случилось? — в испуге запрыгал Непоседа. — Может, братцы, я оглох? Или мне в уши попала вата?.. Нетак, а ну загляни-ка!.. Да не в нос, а в ухо, сюда...

— Там дырка, — пробурчал Нетак, ковырнув пальцем в ухе приятеля. — А должна быть вата!

— Ты меня слышишь? — закричал Непоседа.

— Нет.

— Почему?

— Не хочу.

— А ну скажи «А»!

— «Б», — сказал Нетак и высунул язык.

— Но я же всё слышу, — обрадовался Непоседа и бросился целовать деревянного друга. — Это, наверное, ребята перестали в коридорах бузить.

— Нет, не перестали! — рассердился Нетак, потому что сам был отчаянным шалуном.

Мякиш тоже хотел что-то сказать, но передумал, а поскольку рот уже был открыт — зевнул. Не пропадать же работе!

Всё стало ясно, как только открылась дверь и в комнате показались щётка и тряпка, а следом за ними вошла уборщица тётя

Глаша. Они всегда ходили вместе, потому что без тёти Глаши ни щётка, ни тряпка ничего не хотели делать.

Старая уборщица была женщиной строгой, дисциплину и порядок уважала больше всего. Никто из учеников не помнит, чтобы тётя Глаша скакала по партам или стреляла из рогатки, никто не видел у неё на лбу или под носом чернил. Сама же она сторожу дяде Егору говорила: «Будь я здесь директором школы, все эти мурзилки-мазилки ходили бы у меня как шёлковые, как по тетрадке в косую линейку! . .» Да что говорить, тётя Глаша отлично видела всё, кроме паутины на стенах.

Так вот. Поставила она в угол свою старую, облысевшую щётку, распахнула окна, двери и сказала:

— Ну, слава богу, уехали!

— Кто уехал? — спросили игрушечные мальчики.

Тётя Глаша посмотрела на полочку, где жили малыши.

— Ах, это вы! — вздохнула она. — Уехали, уехали ребята в лагерь. А вас, бедняжек, оставили. О-хо-хо! — и, взяв в руки Непоседу, щёткой прочистила его пружинки.

Нетак она протирать не стала — взяла его в руки и тут же бросила, потому что в палец засела заноза.

— Ну и шершавый! — покачав головой, сказала она и принялась выбивать пыль из парусов старого фрегата.

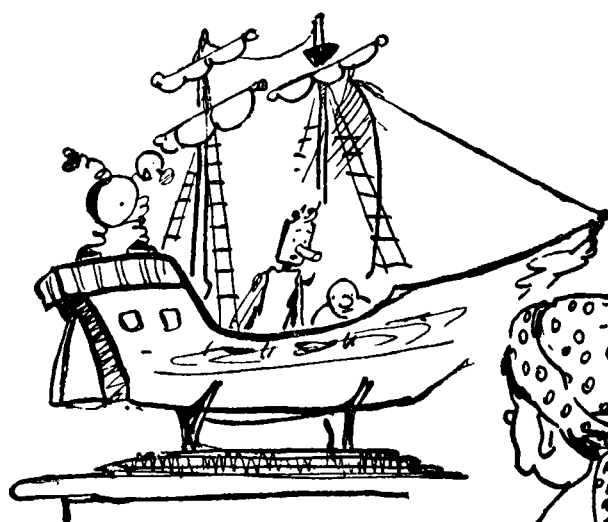
— А как же мы? Как же мы? — кричал Непоседа. — Это нечестно: уехать в лагерь и не взять нас с собой! Они не имели права! Ведь мы совсем незаконченные! . .

Тётя Глаша не видела, законченные они человечки или незаконченные. Но это была чистая правда.

Посудите сами. У Непоседы не хватало одного винтика, который должен был скреплять между собой пружинки рук и ног. Поэтому на его железном животе, как раз там, где у школьников бывают пряжки от поясов, виднелась дырка с резьбой. Конечно, без такого важного винтика всякий Непоседа за лето может совсем разболтаться.

А деревянный Нетак?

Этот был весь из одних сучков и задоринок — просто неотёсан-

ный мальчишка. К нему нужно было как следует приложить руки и отшлифовать. Ну, а Мякиша и вовсе оставили недолепленным. Одного уха не хватало, правая нога короче левой.

— Что ж поделаешь! — приговаривала старая уборщица, переставляя мальчиков с места на место, чтобы тряпкой получше продраить палубу фрегата. — Каковы мастера, такова и работа!

Мякиша тётя Глаша разглядывала дольше других, потому что на его животе были нацарапаны какие-то слова. Уборщица повертела пластилинового толстяка перед глазами, а затем прочитала вслух:

«РАБОТА ПЕТИ МАМИНА-ПАПИНА.

РУКАМИ НЕ ТРО...»

Больше на животе ничего не поместилось, поэтому «...ГАТЬ» залезло на спину.

Тётя Глаша поставила Мякиша на место и сама у себя спросила:

— Это кто же такой Мамин-Папин? .. Не тот ли самый Петя, которого в лагерь не отпустили? Ну и странная же у него фамилия: «Мамин-Папин»! Стало быть, по папочке он Мамин, а по мамочке — Папин! — объяснила сама себе тётя Глаша и, вздохнув, добавила: — Несчастный ребёнок!

«Несчастный ребёнок?!» С этим Непоседа, Мякиш и Нетак никак не хотели согласиться.

Какой же он несчастный, если его каждый день в школу привозили на папиной машине! Завтраки ему с собой давали такие большие, что они занимали весь портфель и тетради приходилось привязывать сверху. Правда, съедать такие завтраки было нелегко, но, по мнению Мякиша, это не такая уж большая беда. Он-то всегда с завистью поглядывал на Петины бутерброды и куринные ножки, которые торчали из портфеля...

Так они думали о Пете, пока с шумом не упала на пол тёти Глашина щётка. Тут они вспомнили, что сами покинуты, забыты в пустынной, пыльной и душной комнате. Оставлены незаконченными человечками. Надо было прежде позаботиться о себе.

— Что же нам теперь делать? — спросил Мякиш.

— Бежать! — звякнул Непоседа.

— А ку-уда?

— В пионерский лагерь, к ребятам!

— Куда? — переспросил Нетак и, поднявшись на носки своих деревянных башмаков, посмотрел на улицу.

Непоседа и Мякиш сделали то же самое. Теперь все трое молчали и думали: «Бежать? Самим? .. Но как же так?»

Ведь всю свою жизнь они прожили в этой комнате, и что делалось там — во дворе, на улице, в большом шумном городе, — они не знали.

Тётя Глаша всё ещё продолжала уборку: она подметала пол, вытирала подоконники и заодно тщательно перемывала косточки

школьным шалунам. Она любила поворчать, но всё же была женщиной сердечной и не злой. Игрушечные мальчики знали это и считали, что её доброе сердце сделано не иначе как из пластилина. Однако при ней бежать не решались. Они подождали, пока тётя Глаша закончила работу, взяла щётку и тряпку, вышла из комнаты, закрыла двери на ключ, дважды повернув его в замке, и лишь потом...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

*из которой вы узнаете, что было потом, и о том,
как началось путешествие наших героев*

— В поход! Вперёд! — нетерпеливо заорал Непоседа и побежал на месте. — За мной, друзья!

— А может, не стоит... — протянул Мякиш. — Ведь в дороге поспа-а-ать не-е-е... — И он зевнул при этом так, что подбородок приклеился к шее.

— Тебе бы только дрыхнуть! — возмутился Нетак и помог Мякишу закрыть рот.

Тут все трое перегнулись через борт фрегата и посмотрели вниз. Да, легко сказать «вперёд», а как сойти с верхней полки? Как выйти из комнаты, двери которой дважды заперты на ключ? Этого никто из них не знал.

Но нет таких положений, из которых нельзя найти выхода. Непоседа почесал свои волосы-пружинки, звонко хлопнул себя по лбу, хитро подмигнул и показал на старого паука, который снимал угол с ними по соседству. Жирный паук спал в гамаке из собственной паутины и переваривал свой завтрак.

— Есть выход! — сказал Непоседа. — Надо разбудить его! Ну-ка, братцы, заорали что есть силы! Раз, два, три!

И все трое закричали и затопали по палубе своего фрегата.

Паук заворчал, зашевелился и сказал своим липким, тягучим голосом:

— Эй, там! Чего расшумелись? Вы мне всех мух распугаете!

— Простите! — вежливо расшаркался Непоседа. — Мы не знали, что вы отдыхаете.

— «Не знали»! — сердито пробурчал паук и хотел перевернуться на другой бок.

Непоседа снова вежливо сказал:

— Разрешите, уважаемый сосед, задать вам всего один-единственный вопрос!

— Какой ещё вопрос?

— Верно ли говорят, что ваша паутина самая прочная в мире?

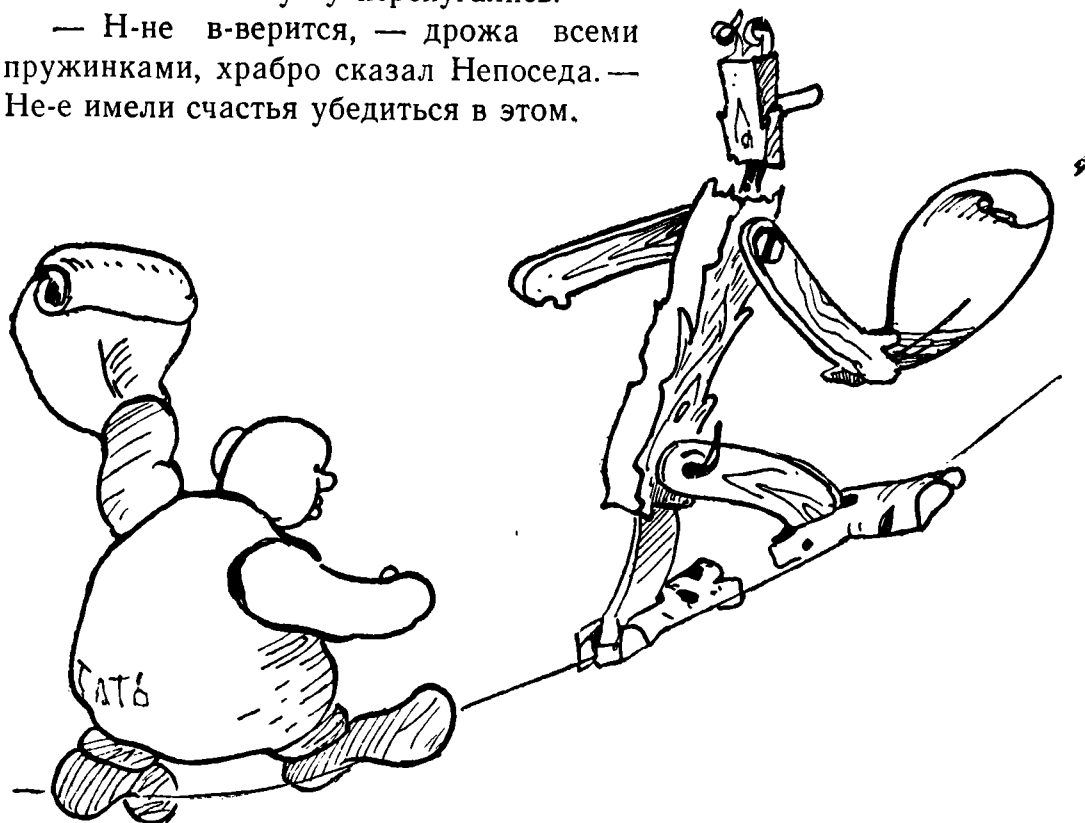
— Ещё бы! — пробасил паук. — Её даже тёти Глашина щётка не берёт!

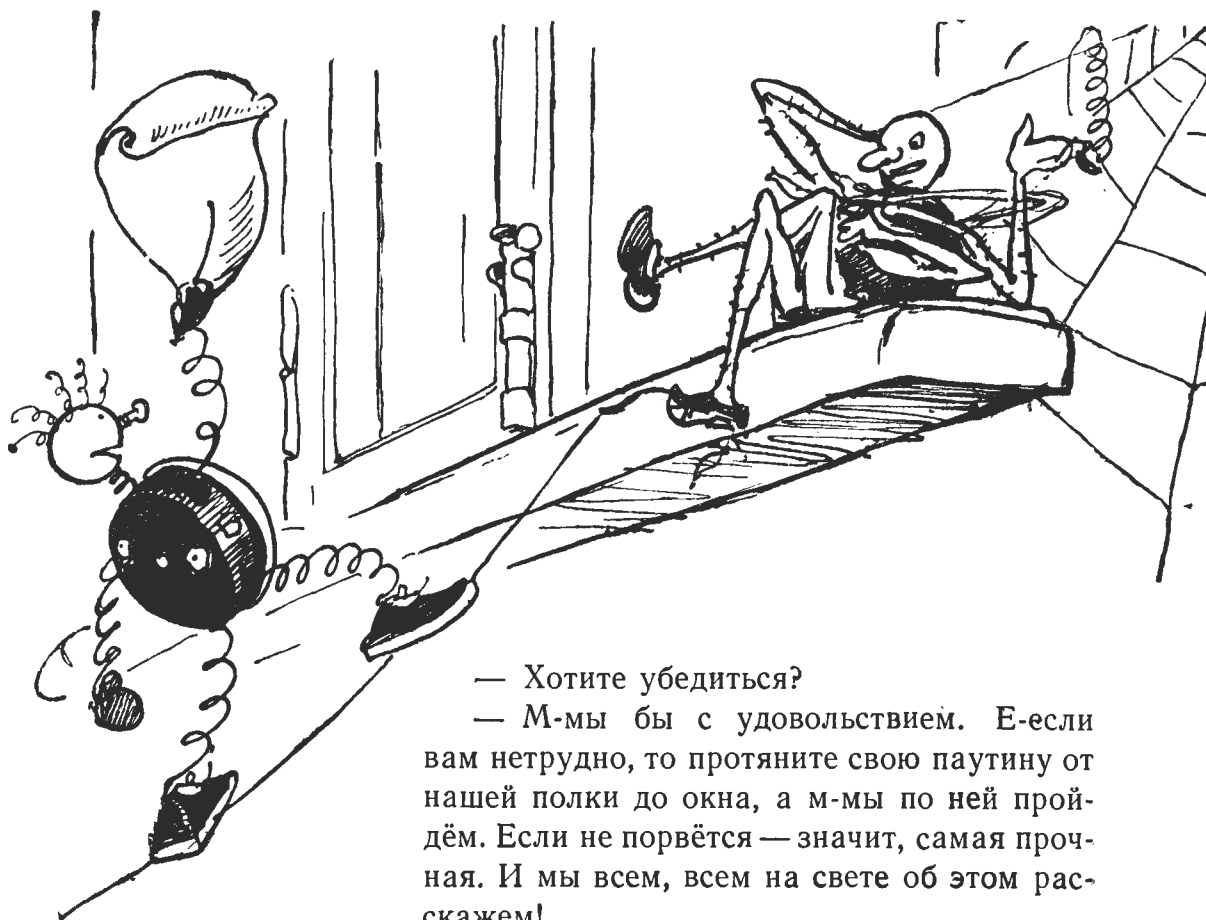
— Ключуло! — шепнул друзьям Непоседа и тут же крикнул: — Ой, что-то не верится!

— Да как ты смеешь говорить такие слова?

Голос и вид у паука стали такими грозными, что игрушечные мальчишки не на шутку перепугались.

— Н-не в-верится, — дрожа всеми пружинками, храбро сказал Непоседа. — Не-е имели счастья убедиться в этом.

— Хотите убедиться?

— М-мы бы с удовольствием. Е-если вам нетрудно, то протяните свою паутину от нашей полки до окна, а м-мы по ней пройдем. Если не порвется — значит, самая прочная. И мы всем, всем на свете об этом расскажем!

Паук, довольный словами Непоседы, почесал сразу тремя лапами затылок и ловко вывалился из гамака. . . По старой паутинке он взобрался на полчку и тотчас же начал тянуть новую к раскрытому окну. Добравшись до него, он протрубил:

— Ну, валяйте! — и, присев на подоконник, гордо скрестил на груди семь лап (восьмую он потерял в схватке с воробьем, который по ошибке как-то залетел в их комнату). — И не таких великанов выдерживала моя паутина!

Мальчикам только это и нужно было.

Вооружившись лепестками от самодельной розы, которая валялась тут же на полке, и балансируя ими, как цирковые канатоходцы веерами, они пошли по паутине.

Впрочем, не у всех это выходило гладко. Непоседа и Нетак могли хоть танцевать на этом канате — у них подошвы были твёрдые, а вот увесистому Мякишу паутина врезалась в пластилиновые тапочки и не отпускала их. Застрял Мякиш на середине пути. Хорошо, что паутина могла растягиваться. Непоседа и Нетак добрались до окна и стали тащить её к себе и тянули до тех пор, пока Мякиш не оказался на подоконнике.

— Ну как? — спросил паук.

— Отличная паутина! — развёл руками Непоседа. — На «пятёрку»!

— Гы! — довольно усмехнулся паук. — Теперь платите по мухе за переправу.

— Даже по две, — согласился Непоседа. — Только прежде мы спустимся вниз.

Не успел паук спросить: «Куда?» — как все трое полетели вниз, прямо во двор, и шлёпнулись на землю. Хорошо, что упали на мягкую песочную горку.

— Эй, эй! — крикнул паук. — А кто платить будет?

— Деньги получишь в четверг на большой перемене! — крикнул Нетак.

— С тебя ещё причитается! — добавил Непоседа. — Ведь мы всем расскажем, что прочней твоей паутины и глупей тебя во всём мире не найти... Ура! Путешествие продолжается! — И он потянул друзей вперёд.

Но тронуться с места им не удалось: Мякиш держал их, как якорь.

— Ты что? — спросил Нетак.

— Я-то ничего, но вот... — И Мякиш указал на свои ноги.

Правая нога его от падения сплющилась и стала ещё короче, чем была.

— Полторы ноги, — почесав затылок, сказал Непоседа. — С такими разными ногами далеко не уйдёшь.

— Далеко не уйду! — всхлипнул Мякиш.

— Без мастера не обойтись, — скрипнул Нетак.

— Не обойтись! — плакал Мякиш.

— Стой! — подпрыгнул Непоседа. — А ведь твой мастер — Петя! Он же в городе, никуда не поехал!

— К Пе-ете! — радостно запищал Мякиш. Он хоть и был изуродован по Петиной милости, но всё же был предан ему всем своим пластилиновым сердцем. — К Пете!

И даже Нетак, который всем и всегда возражал, крикнул:

— К Пете!

И путешественники побежали по дорожке к воротам.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ,

из которой вы узнаете, какие препятствия встали на пути к Пете

— Стой! — крикнул вдруг Нетак. — Нужно ходить не так — нужно ходить строем!

Это предложение всем понравилось. Непоседа скомандовал:

— Становись! — и тут же добавил: — Чур, я первый!

Я — командир!

— Нет, не так, — сказал Нетак. — Я — первый!

Только Мякишу было всё равно, где стоять. Но как же всё-таки построиться? Непоседа знал, что Нетака не перетакать. Он почесал за ухом и сказал:

— Ладно, становись первым, а я пойду последним.

И они построились. Первым стал Нетак, в затылок ему — Мякиш, а последним — Непоседа.

— Пошли! — раздалась команда. — Вперёд!

Нетак, конечно, пошёл назад, Непоседа — вперёд, и — ни тпру, ни ну, ни назад, ни вперёд!

— Ах! — вскрикнул Непоседа.

— Ох! — вздохнул Нетак.

— Эх! — пропищал Мякиш.

Произошло то, что происходит всегда, когда в строю находятся непоседы, мякиши и нетаки. Металлический и деревянный столкнулись с пластилиновым другом и так прилипли к нему, что не

смогли сдвинуться с места. Добрых полчаса отклеивались они от Мякиша: одну руку оторвут — другая пристанет, одну ногу отклеют — другая увязнет. И пока все трое отклеивались друг от друга, Мякишу так намяли бока, что он даже на себя стал непохож — какая-то бесформенная картошка.

— Иди, Мякиш, последним, а я буду вторым, — сказал Непоседа, вправляя на своё место вывихнутую в свалке руку-пружинку.

— Нет, я буду вторым! — заупрямился Нетак.

Непоседе этого только и надо было. Он стал первым и начал командовать:

— Левой, правой! Левой, правой! Раз, два! Раз, два! . .

И путешественники наконец двинулись в путь. Правда, Нетак всё время нарушал команду: он ходил не левой-правой, а правой-левой и при этом приговаривал: «Два, раз! Два, раз!»

Пока солнце пекло, Мякиш всё время отставал. Тапочки его то и дело прилипали к земле, отрывались, и ему приходилось возвращаться и подбирать их. Хорошо, что солнце спряталось за тучку, подул прохладный ветерок, и Мякиш перестал таять и прилипать ко всему, что встречалось в пути.

Непоседа и Нетак тоже чувствовали себя инвалидами. У Непоседы ослабли винтики, ему приходилось всё время придерживать свои вихляющие ноги, а Нетаку — остерегаться, чтобы не зацепиться за кого-нибудь своими сучками и заусеницами.

Трудно жить на земле незаконченным игрушкам! Им поскорее хотелось встретиться со своими мастерами. Умелые руки сделают всё необходимое, отремонтируют их, и они станут выносливыми, красивыми, прыгучими и сильными.

От этих мыслей на душе у человечков стало радостно и весело. Маршируя, они прошли школьный двор и очутились на большой шумной улице. Для них это был новый, неизвестный ещё мир.

По широкой мостовой катили разноцветные автобусы, сломя голову мчались легковые автомобили и мотороллеры, грозно мигали светофоры, а по тротуарам ходили толпы людей и бегали вихрастые сорванцы с футбольными мячами под мышками.

Непоседа, Мякиш и Нетак бодро шагали вперёд, а идти помогала весёлая песенка, которая сама пришла им на ум:

Мы совсем не безделушки,
Небывалые игрушки,
Мы выходим в белый свет!
Хочешь — верь, а хочешь — нет.

Сами двигаем ногами,
Головами вертим сами —
В этом чудо и секрет,
А без чуда сказки нет!

Высокие дома смотрели на людей широкими глазищами витрин, а когда солнце выглядывало из-за белых облаков, витрины сверкали так, как будто за каждой из них зажигалось своё собственное солнце.

А ведь каждая витрина была кладовой чудес, гляди не наглядись: барабаны, гармошки, часы, удочки, дудки, рогалики с маком... всего не перечесть. Было тут от чего глазам разбежаться. Даже Мякиш забыл о своей короткой ноге, из-за которой сильно хромал. Не вспоминал он и о Пете.

Непоседа не пропускал ни одной витрины, если видел в ней велосипеды, самокаты и роликовые коньки. Мякиш прилипал к стёклам, за которыми стояли мягкие кресла и диваны, а Нетак сопел и возмущался, почему не продают горячее мороженое, солёные конфеты, мягкие сухари и сани на колёсах.

То и дело приходилось им останавливаться. А впереди, на углу большой площади, сияла и звала к себе вывеска магазина детских игрушек. К ней и направились Непоседа, Мякиш и Нетак.

Но здесь нам придётся на время оставить наших путешественников и поближе познакомиться с Петей, который по папочке Мамин, а по мамочке Папин, с тем самым Петей, который неизвестно почему не поехал в пионерский лагерь.

2*

ГЛАВА ПЯТАЯ

Петя, мама, папа и капризит

Оказывается, Петя был тяжело болен. Он упорно отказывался от сорок пятой ложки супа, от четвёртой котлеты, от третьей куриной ножки. А от манной каши, которую ему трижды в день подавала сама мама, он даже отбивался ногами.

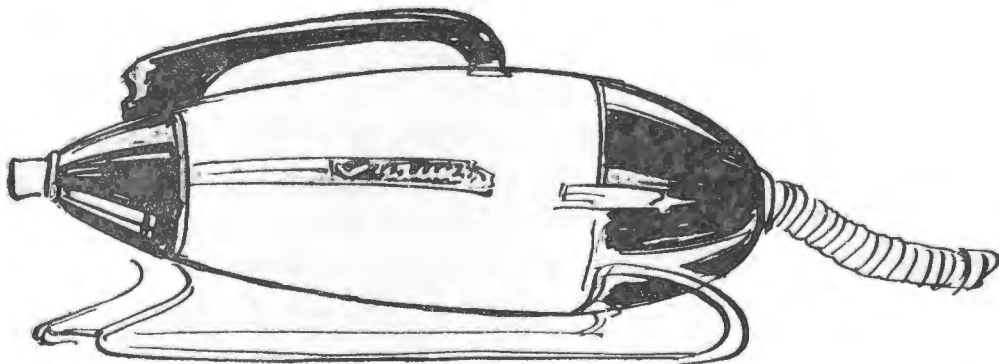
Ни один доктор не мог определить Петиной болезни, а мама уверяла, что у Петеньки новая, ещё никому не известная болезнь, причём в самой тяжёлой форме. Только одна домработница Дуся давно определила его болезнь. Она сказала, что у Пети самый обыкновенный капризит, да ещё с выбрыками.

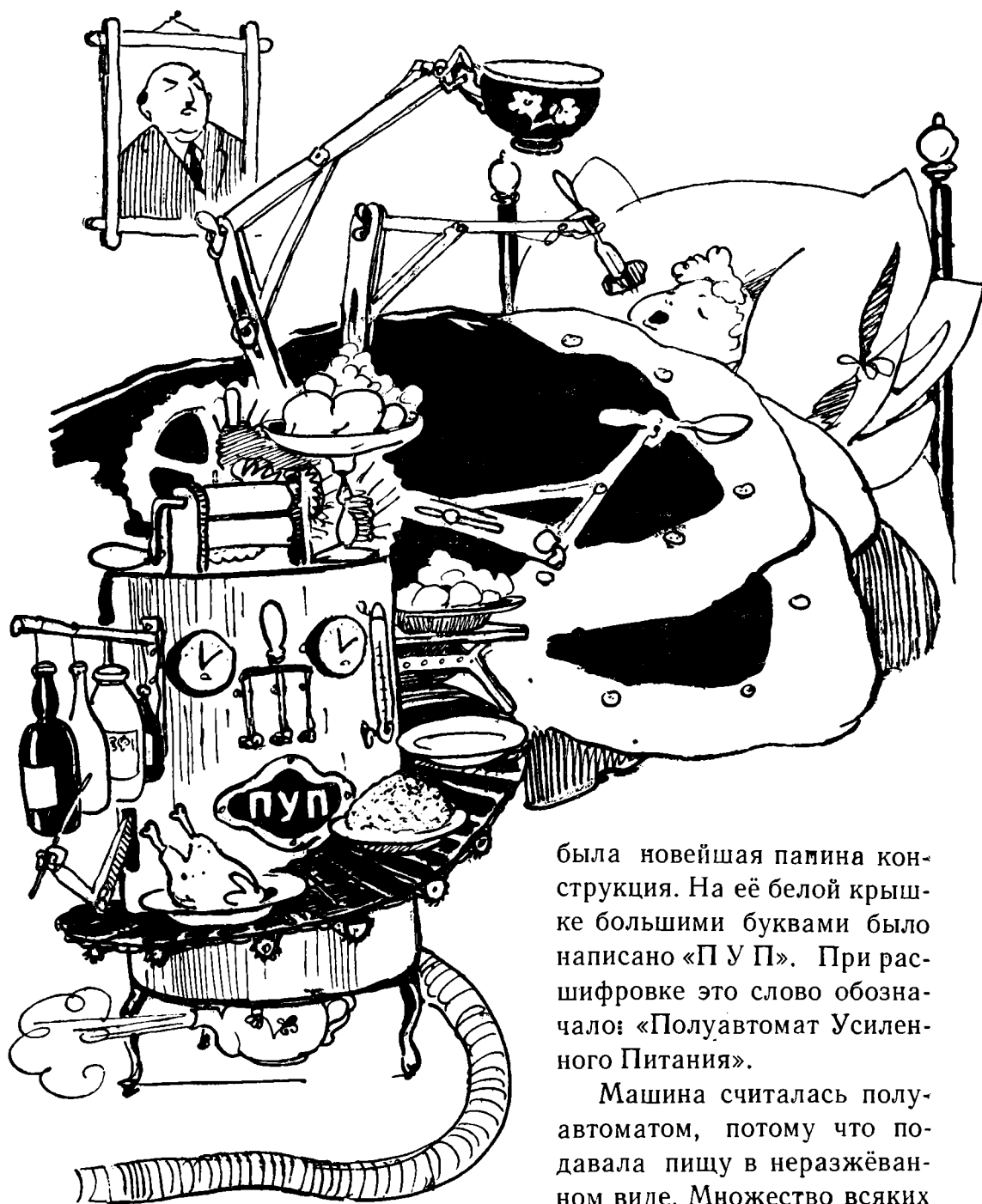
У Пети был жёсткий постельный режим, который состоял из четырёх пуховых подушек и двух одеял из верблюжьей шерсти. Лечили его тридцатью сортами сдобных булочек и всевозможными сладкими кашами. От этого щёки больного розовым тестом растекались по наволочке и сам он напоминал пятую подушку.

Конечно, простым способом так раскормить человека нельзя было. Тут применялись особые новейшие средства.

Дело в том, что Петин папа был известным в городе изобретателем. Поэтому дома по распоряжению мамы он совершенно бесплатно конструировал прекрасные автоматы, которые сами кормили Петю. Самокормящие автоматы!

У постели больного как раз стояла одна такая машина. Это

была новейшая палина конструкция. На её белой крышке большими буквами было написано «П У П». При расшифровке это слово обозначало: «Полуавтомат Усиленного Питания».

Машина считалась полуавтоматом, потому что подавала пищу в неразжёванном виде. Множество всяких

рубильников, переключателей и колёсиков говорило о её сложности. По измерительным приборам, которые шевелили стрелками, всегда можно было узнать количество каши, её температуру, сладость. Была и такая стрелка, которая заранее показывала, что́ дадут на третье блюдо. Кроме того, во время кормления машина на кастрюлях и бутылках исполняла «Чижик-пыжик».

Но самым главным орудием в этом механизме были три длинных никелированных рычага, похожих на руки. На конце одного рычага была закреплена столовая ложка, на конце другого — вилка, на конце третьего — литровая чашка. Автомат приводился в движение пылесосом и стиральной машиной. Пете не нужно было даже поднимать головы и открывать рта — всё делалось само. Бедный Петя!

Вам, наверное, хотелось бы знать, почему так печально сложилась Петина судьба? Отчего и когда он заболел этой ужасной болезнью?

Расскажем по порядку. Возьмём простую азбуку и по пунктам А, Б, В... изложим Петину биографию.

А) ПЕРВЫЕ ШАГИ.

Честно говоря, до трёх лет Петя ходить не мог. Ему не разрешали. Ножки могут погнуться, и ребёнок на всю жизнь останется кривоногим. Но зато уже с четырёх лет он был отличным наездником. Каждый день перед завтраком, обедом и ужином он совершал верховую прогулку. Как только на стол ставили дымящуюся тарелку каши, папа или дедушка надевали красную уздечку с колокольчиками и становились на четвереньки. Петя смело садился верхом.

— Но-о! — кричал он и молотил пятками своего скакуна. — Но-о, миленькие!

Мама тоже подбадривала коней:

— Ещё кружок! Ещё! Смотрите, ребёнок цветёт от счастья!..

Петино «Дай!» и «Хочу!» стало в доме законом. Петя ездил верхом на ком хотел и когда хотел.

Б) КОРМЛЕНИЕ.

— Главное в жизни — питание! — говорила мама. — От рыбы — ум, от каши — сила, от масла — ловкость! Еда — лучшее средство от болезней!

Поэтому мама завела специальную библиотеку по вопросам кормления ребёнка. На полках стояли толстые книги с вкусными названиями: «СТО КАШ ДЛЯ ПЕТЬ И МАШ», «КОМПОТЫ ДЛЯ СУББОТЫ», «СЕМЬ БЕД — ОДИН ОБЕД» и «ДОРОГА ЛОЖКА К ОБЕДУ».

В квартире жили киска, по прозвищу Сосиска, и пёс породы эрдель, по имени Сардель. Имена эти они получили потому, что кошкин хвост напоминал Пете сосиску, а куцый и толстый хвост собаки — сардельку.

В) ПЕТИНА АЗБУКА.

Пришло время обучать Петю азбуке. К этому торжественному дню мама готовилась очень старательно. Разрезная азбука и азбука в кубиках были спрятаны в шкаф, потому что это — игры. Какие могут быть игры во время еды?

Три ночи просидела семья за сочинением специальной «питательной» азбуки.

В воскресенье за завтраком приступили к первому уроку.

Пете показывали букву «А» и хором говорили: «Ам!» Петя открывал рот, чтобы тоже сказать «Ам», а ему в рот всовывали ложку с кашей. Подносили ко рту булку и хором кричали: «Бэ-э-э!» Давали на закуску грушу и гоготали, словно гуси: «Ге-ге-ге! Гру-ша! . . .»

Поэтому, когда Петя впервые поехал в школу и учительница в классе спросила: «Дети, кто из вас уже выучил азбуку?» — Петя Мамин-Папин встал и пропел:

А м
Б у л к а
В и л к а
Г р у ш а

Д ы н ю
Е л,
Ж а р к о е к у ш а л,
З е м л я н и к у
И
К а р т о ш к у,
Л у к,
М о р к о в о ч к и
Н е м н о ж к о,
О г у р ц ы и
П о м и д о р ы,
Р ы б у,
С а л о,
Т е с т а г о р ы... —

и так до самой последней буквы «Я».

Г) УСАТЫЕ СЛОВА.

Петино здоровье оберегалось всеми средствами медицины. Каждое утро ему ставили сразу два градусника (под правую и левую руки) и разглядывали язык через увеличительное стекло.

Когда же припадки капризита были очень сильными, Петя требовал немедленно доставить ему домой живого слона.

Мама тотчас же посылала папу в зоопарк за слоном, но тот всегда возвращался с пустыми руками.

Врачи и профессора стали в доме Маминых-Папиных ежедневными гостями. Они заставляли Петю высовывать язык, говорить «э-э-э», дышать, не дышать, а потом разводили руками, тёрли лбы и произносили непонятные слова, которые кончались на «ини» и «ус».

Врачи приходили так часто, что, как только в коридоре раздавался звонок, у Пети язык сам высовывался наружу и изо рта вырывалось громкое «э-э-э!»

Конечно, мама, чтобы не ударить лицом в грязь перед врачами, сама начала изучать язык, на котором пишутся лекарства. Для этого она собрала все рецепты, склеила их в книжечку, и получился учебник. Потом, зажмурив глаза, она ходила по комнате и бормотала разные слова. Скоро она свободно стала разговаривать на чисто докторском языке.

Когда врач прописывал Пете капли для аппетита, то мама бойко добавляла:

— И манус кашус по три разини в денини!

Когда для успокоения Петиних нервов доктор выписывал новое лекарство, мама тоже добавляла:

— И спатус в кроватус на подушатус!

Когда же врач говорил, что Петя выглядит очень хорошо, мама вздыхала и говорила:

— Сынус Петюс не естус пирогини-творогини и куринус пупкус! . .

С помощью докторского языка мама легко связалась со всеми поликлиниками и звонила туда до тех пор, пока домой однажды

не прибыла специальная лечебная комиссия для выяснения маминного здоровья.

Петю комиссия выслушивать не захотела и, пожав плечами, уехала. Мама целиком перешла на докторский язык. То и дело слышались её команды: «Полейтус кактус!», «Сваритини компотини!» или что-нибудь в этом роде.

Пете очень нравился мамин докторский язык, особенно слова, которые кончались на «ус». Он называл их усатыми словами.

И вот, несмотря на все меры, Пете легче не становилось. От его капризита страдала вся квартира, вся семья и даже киска-Сосиска и эрдель-Сардель.

Д) НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ДЕДУШКЕ.

С того дня, как Петин дедушка оставил работу и перешёл на пенсию, мама полностью перевела его на Петин режим. Манную кашу они ели вместе: ложку — дедушка, ложку — Петя (иначе Петя и за стол не садился). Спать их укладывали в одно время, играли они вместе и, наказанные, рядом стояли в углу.

А с тех пор, как Петя пошёл в школу, на плечи дедушки взвалили все внешкольные обязанности внука, начиная от выковыривания мух из чернильницы-невыливайки и кончая собиранием металлолома.

В собирании металлолома дедушка очень отставал. Петя взял на себя повышенное обязательство — собрать две тонны.

Тонну железа дедушка уже почти собрал, и на его совести лежала ещё одна тонна с небольшим хвостиком.

Больше всех жалела Петю домработница Дуся. Она не раз говорила, что у ребёнка пироги уже пошли в ноги, а каша лезет из ушей, на что мама отвечала: «Полные дети спокойнее худых — им трудно ходить на голове, поэтому в доме всегда бывает больше порядка».

Тогда Дуся, которая была отличной кухаркой, махала рукой и говорила:

— Каши с вами не сварить!

Да, мама в доме была полновластной хозяйкой. Не зря же она носила фамилию — Папина, а папа был — Мамин. . .

Теперь, когда с помощью азбуки мы разобрались в Петиной биографии, продолжим рассказ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Новый способ игры в футбол. В „Детский мир“ за успокаивающим средством

Петю уже неделю не выпускали на улицу и старались держать в постели. Вдобавок ко всему простудился пёс Сардель. Он всё время чихал и хрипло кашлял под Петиной кроватью, а мама кричала, что ребёнку стало хуже, что у мальчика появился собачий кашель.

Петя никак не мог доказать, что никакой простуды у него нет. Как только мама заходила в комнату, подхалим Сардель переставал чихать и начинал весело визжать и лаять.

И вот сегодня Сардель наконец выздоровел. Никто в доме не чихал, и Петю решили вывести на прогулку. Так требовали врачи, а сам Петя грозил выпрыгнуть в окно, если его только посмеют не выпустить на улицу.

Это был воскресный день, и папа был дома. Он попросил одеть Петеньку потеплей и объявил всем так:

— Пойдём с ребёнком в «Детский мир» и купим ему что-нибудь успокаивающее.

К прогулке всё было готово. Папа и мама позавтракали, дедушка держал наготове Петин лыжный костюм и шерстяной шарф, а бабушка накрутила гоголь-моголь из трёх яиц. Только один Петя не был готов. Он всё ещё сладко спал, всхрапывая и по временам выкрикивая какие-то слова.

Стрелки часов показывали «двенадцать», солнце взошло высоко, и по спящему Пете весело прыгали десятки солнечных зайчиков. Но Петю это нисколько не тревожило; сейчас он не проснулся бы, даже если бы по нему прыгали солнечные слоны. Дело

в том, что он во сне доигрывал вторую половину футбольной игры. Подушка шевелилась, одеяло съезжало набок.

— Аут!.. Гол!.. Штрафной!.. — то и дело выкрикивал он.

Петя, страстный любитель футбола, вынужден был играть в футбол во сне, потому что днём ему никто этого делать не разрешал.

— Пусть ребёнок ещё чуточку поиграет, — шёпотом говорила мама. — Наиграется — и днём не будет просить мяча. При его слабости резких движений делать нельзя...

Кто знает, сколько ещё голов забил бы Петя во сне, если бы не бабушка. Попрошайка Сардель до тех пор вертелся у неё под ногами, пока она не уронила на пол стакан с гоголем-моголем.

«Дзе-ень!» — прокатилось по комнате, и Петя, сотрясая кровать, вскочил на ноги.

— Забили, забили! — кричал он.

Мама бросилась успокаивать Петю.

— Не забили, а разбили! Это бабушка уронила стакан, — говорила она, показывая на жёлтую кашу гоголя-моголя и осколки на полу. — Это ты выиграл, ты у нас чемпион! Ты настоящий мастер спорта!..

Сытый Сардель брезгливо фыркнул и, тяжело вздыхая, принялся за свою работу — начал вылизывать гоголь-моголевскую кашу. А Петя ревел и топал ногами по подушкам:

— Из-за бабушки всё пропало! Я уже выигрывал!.. Дайте бабушке штрафной... поставьте её в угол!..

— Петенька, Петенька, успокойся, — просил папа, опускаясь на колени перед кроватью. — Сейчас тебя оденут, и мы пойдём в «Детский мир», купим тебе всё, что ты захочешь!

— Ура-а-а! — закричал Петя, размазывая по лицу слёзы. — Мы идём в «Детский мир»! — и начал так скакать по постели, что матрац провалился и прижал хвост бедному Сарделю.

Тотчас же вплотную к постели был пододвинут аппарат «ПУП» и подключён к пылесосу. Завертелись шестерёнки, задвигались рычаги, кастрюли и тарелки лихо вызванивали «Чижик-пыжик».

С помощью самокормящего полуавтомата Петя съел кастрюлю

манной каши. Тридцать ложек за здоровье мамочки, двадцать — за здоровье папочки, десять — за здоровье бабушки и одну, — за здоровье директора магазина детских игрушек.

Не щадя живота своего, Петя съел всё, потому что иначе могла отмениться прогулка и покупка новых игрушек.

Ровно в час дня Петя в сопровождении родных вышел из дому и направился к площади, на углу которой находился «Детский мир».

А по другой улице, не надеясь на встречу с Петей, к магазину, напевая песенку, торопились Непоседа, Мякиш и Нетак.

Вот история такая,
Мы по улице шагаем!

Эти две строчки сочинил сам Мякиш. Но дальше ничего придумать не мог, потому что внимание отвлекали всё новые и новые картины. На улицах было много народу, на грузовиках ехали духовые оркестры. Солнце ослепительно сияло, и на душе было радостно и легко. До того легко, что они даже забыли о Пете, которого во что бы то ни стало должны разыскать.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Первая и неудачная встреча с Петей. Рассуждения о ботинках. Несколько слов о плюшевом осле

Зная Петины повадки, родители вели его, как под конвоем. Это был старый проверенный способ. Слева шла мама, справа — папа, а пути отступления отрезал дедушка. Петя мог шагать только

вперёд. И вот на площади, где был магазин детских игрушек, Непоседа, Мякиш и Нетак увидели Петю.

Только они хотели окликнуть своего друга и броситься к нему, как из-за угла, гудя сиренами, выскочило пять самокатчиков. Они стремительно промчались перед самым носом наших друзей и заслонили собой весь мир. Когда же самокатчики исчезли за углом, Петя с родителями был уже в магазине.

Мальчики бросились в магазин и, рискуя быть раздавленными, начали шнырять между ногами покупателей. Но Петя и его родители смешались с толпой, и найти их оказалось невозможным.

Снизу трудно было разглядеть лица покупателей, а узнать по ботинкам, кому они принадлежат, — ещё труднее. Поди разберись, где чьи ноги! Но те, кто сам ростом с башмак, давно научились различать людей по обуви. Оказывается, это очень просто. Вот ботинки на толстой белой, как сахар, подошве — это ботинки модника. Запылённые, с тонкой подошвой — ботинки почтальона. Тяжёлые кирзовые сапоги — обувь солдата.

Ботинки могут быть не новыми, с латками, но вычищенные сапожной мазью и вылощенные суконкой. Значит, хозяин их — человек бережливый и аккуратный. А у неряхи даже новая обувь и та потёртая, запылённая и скособоченная. По ботинкам сразу видно, каков человек. Поэтому мудрый Мякиш часто любил повторять: «Всякий человек начинается с ботинок!»

Непоседе больше всего нравились босоножки, сандалии и тапочки. В них легко бегать, ноги не устают.

Нетaku, наоборот, нравились тяжёлые, гремящие сапоги с железными подковками.

А Мякишу были по душе ботинки на резиновом ходу — мягкие, тихие, пружинистые.

Но самые красноречивые ботинки — это ботинки ребят. В этом смысле толстопятые туфли модника даже в подмётки им не годятся. На ребячий ботинок только взгляни — и сразу ясно, с кем дело имеешь: у футболиста носы разбиты вдребезги, у катальщика по паркету — на подошвах дыры, а у тех, кто не признаёт калош, ботинки, разбухшие, как вареники. Больше всего опасаться надо

солдатских подкованных сапог и женских туфель с длинными острыми каблуками: первый раздавит, второй — проткнёт, ахнуть не успеешь.

Об этом и думали путешественники, ловко изворачиваясь, чтобы не угодить под чей-нибудь каблук. А покупатели, набившиеся в магазин, как будто нарочно норовили растоптать мальчиков. Мякиш три раза умудрялся прилипнуть к чьим-то сапогам. Спасибо, товарищи отрывали. Непоседа на левую ногу наступил женский каблук. Высвобождая её, он так растянул пружинку, что левая нога стала длиннее правой. Пришлось попрыгать на одной ноге, чтобы пружинка сжалась и стала такой же, как и правая.

— Так мы здесь пропадём! — сказал Непоседа, охая и припадая на левую ногу. — Надо взобраться на прилавок — оттуда мы скорей увидим Петю.

— М-да, — вздохнул Мякиш, отклеиваясь от очередного сапога и держась за сердце.

А Нетак, цепляя всех своими заусеницами, начал упрямо продираться вперёд, пока не ударился лбом о фанерную стойку.

«Бум-м!» — загудела фанера.

Нетак схватился за лоб и быстро-быстро проговорил:

— Тра-та-та, за себя! — Это, чтобы не подумали, что ему больно.

Непоседа и Мякиш были уже тут. Рядом с ними у стойки стояла

палка старичка покупателя и набалдашником упиралась прямо в крышку прилавка. Раздумывать было некогда.

— Наверх! — скомандовал Непоседа и, хватаясь пружинками за сучки, полез по палке.

Мякиш моментально прилип к его ноге, а Нетак стал подталкивать толстяка сзади. Скоро они очутились на прилавке.

В первую минуту все трое растерялись от неожиданности. Сотни игрушек смотрели на них и по-разному выражали радость, вызванную такой приятной встречей.

Куклы-матрёшки махали руками, приглашая мальчиков к себе. Большая говорящая кукла-красавица застен-

чиво опускала глаза и говорила: «Ма-ма!» Серый слон, похожий на чайник, качал головой и в знак приветствия поднимал хобот. Игрушечная балалайка сама заиграла «Во саду ли, в огороде...» А деревянный Буратино так заплясал, что чуть не свалился с полки на лысую голову старшего продавца.

Конечно, видеть и слышать это могли только самодельные игрушечные мальчики, потому что они были близкими родственниками настоящих фабричных игрушек.

Покупатели зашумели и бросились к прилавку. Если бы не ловкость и догадливость малышей, десятки рук разорвали бы их на части.

Непоседа раскачался на своих ножках-пружинках и, как белка, перемахнул на полку. Нетак перелез по электрическому шнуру от настольной лампы, а Мякишу просто повезло. Пока он раздумывал, как ему перебраться на полку, строительный кран, собранный из деталей «Конструктора», ожил, вытянул свою стрелу, подхватил Мякиша крючком за единственное ухо и поставил рядом с собой.

Покупатели, взрослые и дети, все, как один, закричали:

— Продайте нам механических мальчиков!

— Отпустите нам живых мальчиков!

— Заверните мне того толстенького!

— А мне этого, из пружинки!

— Мы первые в очереди!

— Это нечестно, вы прячете под прилавком самые новые игрушки!..

Но продавцы ничего не замечали и растерянно смотрели по сторонам. В эту минуту Непоседа, Мякиш и Нетак, оказавшиеся на верхней полке, увидели в толпе Петю с родителями. Все Мамины-Папины стояли в очереди и тоже что-то кричали.

— Петя, Петя, мы здесь! — закричали малыши.

Но разве мог Петя в этом шуме расслышать голоса игрушечных мальчиков!

— Всё пропало! — вздохнул Мякиш. — Сейчас нас поштучно продадут, и мы не достанемся Пете!.. Что делать, что делать?!

— Не терять надежды — вот что, — сказал Непоседа. — Главное в нашем положении — не вешать носы.

Теперь уже и продавцы с удивлением заметили самодельных мальчиков.

— Что это за товар? — удивился старший продавец. — Какой фабрики? .. Спокойно, спокойно, товарищи, надо выяснить, откуда появились эти игрушки.

А его помощник заявил:

— Мы не можем их продавать, на них нет цены. Нужно срочно позвать заведующего! — и побежал к нему в кабинет.

— Ма-ма! — строго и внушительно сказала мальчикам говорящая кукла. — Перестаньте вертеться! Вы обращаете на себя внимание!

Но Непоседа, Мякиш и Нетак не могли успокоиться до тех пор, пока Буратино не догадался и не крикнул:

— Замри!

Эту игру мальчики отлично знали и немедленно подчинились. Непоседа замер с поднятой вверх ногой и расставленными руками, Мякиш как зевал, так и остался с открытым ртом, а Нетак застыл спиной к покупателям.

Все игрушки рассмеялись. Только дорогой плюшевый осёл скорчил презрительную рожу. Дело в том, что он считал себя родственником льва, потому что был жёлтого цвета и носил кисточку на кончике хвоста. Он строил гримасы, вертел хвостом и выбрыкивал копытами до тех пор, пока у него не треснуло брюхо и оттуда посыпались деревянные опилки. .. Этот осёл стоял не просто на полке, как все игрушки, а на специальной подставке в отделе ватных зайцев и очень важничал. Ещё бы! Он стоил 86 рублей 57 копеек. А ватные зайцы — по 3 рубля за штуку.

Игрушки осла не любили за то, что он был страшным зазнавалой.

— Подумаешь, родственник льва! — говорили они. — Самый настоящий осёл, да и только.

Это была чистая правда. И каждому было ясно, что хоть он и занимал важное положение в отделе, всё же оставался ослом. ..

Тут появился заведующий магазином. Он посмотрел на игрушечных мальчиков и сказал покупателям:

— В чём дело? Успокойтесь, граждане! Произошла ошибка — на полку попал брак. — И смахнул всех троих вниз, прямо на груды поломанных игрушек.

Очутившись под стойкой, в куче разных вещей, мальчики испуганно притихли. Мякиш от переживаний так расстроился, что тут же заснул.

Снова взбираться наверх было рискованно. Заведующий был зол и оставался за прилавком.

В это время к прилавку пробрался наконец Петя с родителями. Заведующий магазином узнал Петиную папу, с которым был давно знаком.

— А-а-а, моё почтенье, товарищ Мамин! — вежливо сказал он. — Не купите ли своему сыночку ослика?.. Очень похож на вас, чудесный мальчуган! — Заведующий погладил Петю по голове и продолжал: — Взгляните, какой товар... последний осёл остался — копия настоящего. Он даже стоит почти как живой.

— Что вы, что вы! — пробормотал папа. — Цена, знаете ли, брыкается...

— Купить! — приказал Петя.

— Умница мальчик, великолепно разбирается в товарах! — сказал заведующий. — Конечно, купить! Уверяю вас, он совсем не брыкается, он очень плюшевый и действует на всех успокаивающе.

— Успокаивающе? — переспросила мама. — Немедленно заверните! Это как раз то, что нужно нашему ребёнку.

Папа вытер платком вспотевшую шею и послушно пошёл платить за осла 86 рублей 57 копеек.

Заведующий вручил Пете запакованного осла и сказал:

— Будь умницей!

Непоседа, Мякиш и Нетак слышали, как уходили из магазина Мамины-Папины, но ничего не могли поделать — заведующий всё ещё стоял у прилавка.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

*в которой состоится путешествие вокруг „Детского мира“
и весьма приятное знакомство с постовым милиционером*

В магазине стало тихо и пусто. Наступил обеденный перерыв. Непоседа первый выбрался из свалки игрушек.

— Мякиш, проснись! . . Нетак, вставай! Хватит здесь околачиваться, нужно догонять Петю!

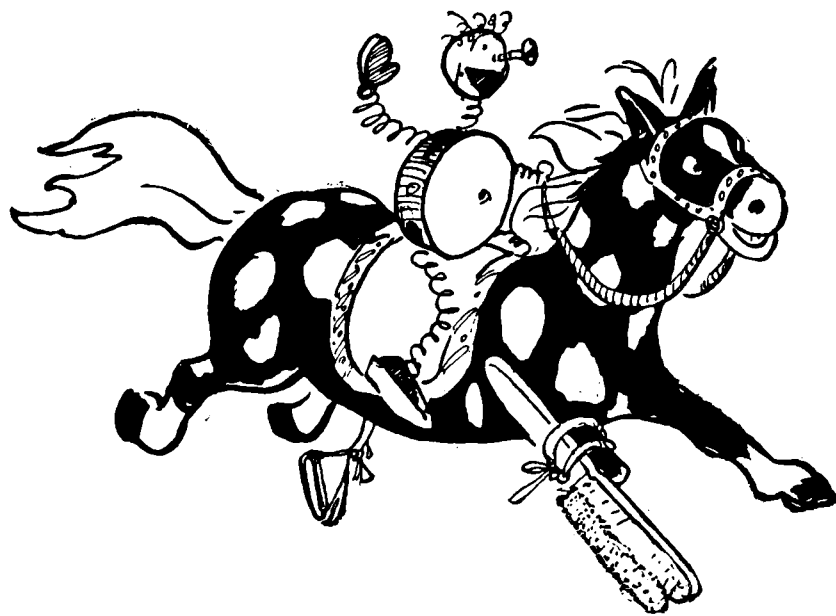
Мякиш спал под каким-то ватным медведем и долго не мог прийти в себя.

— Да, ну-ужно идти, — вздохнул он.

— Как бы не так! — сказал Нетак. — А кони на что?

И действительно, в гряде бракованных игрушек валялось трое коней.

Кони были как кони, настоящие, из картона, пустые внутри. Правда, скакать на них нельзя было, потому что у одного не было ноги, у другого — хвоста, а у третьего — головы. Но это нисколько не смутило наших героев.

Кто из мальчиков не мечтает скакать верхом на горячем коне! И трое друзей занялись срочным ремонтом ещё не обьезженных, но уже пострадавших скакунов.

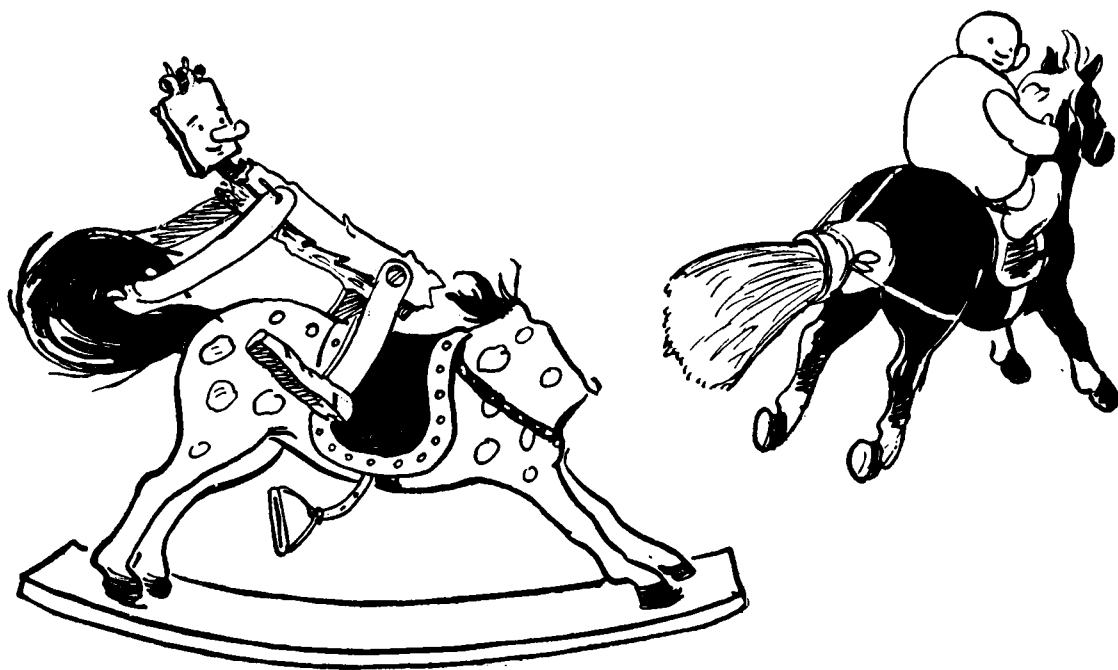
Непоседа привязал безногому коню зубную щётку, которая оказалась под рукой, и конь загарцевал на всех четырёх ногах — правда, заметно прихрамывая.

— Конь без хвоста — не конь! — сказал Мякиш и вставил своему коню помазок для бритья, который каким-то непонятным образом оказался среди детских игрушек. Теперь об этом коне можно было смело сказать — хвост трубой! Ну, а Нетаку вовсе не нужен был конь с головой.

— Хорош и так! — сказал Нетак. — Нужно всегда садиться лицом к хвосту.

— По коням! — крикнул Непоседа, и друзья кто как мог вскочили на коней и пришпорили их.

Кони галопом понеслись к выходу из магазина, а на улице взяли в аллюр. Толстые автобусы почтительно жались к тро-

туарам, чтобы дать дорогу кавалеристам, милиция немедленно давала зелёный свет, а пешеходы с удивлением смотрели вслед странным наездникам.

— Вперёд, вперёд! — кричали наездники и ещё крепче прищипывали коней.

Несколько раз сворачивали они в переулки и улицы, обгоняя лихих самокатчиков и даже велосипедистов. Когда же перед ними снова показался магазин игрушек и все три коня на полном скаку ворвались в его двери, Мякиш свалился на пол и, потирая затылок, сказал:

— Этого следовало ожидать.

— В чём дело? — спросил Непоседа и соскочил с коня. — Почему мы снова в магазине?

Только теперь они поняли, что весь их путь лежал вокруг дома, в котором находился магазин детских игрушек.

— Конь всегда к своему стойлу спешит! — мудро заметил Мякиш.

— А вот и не потому! — сказал Нетак. — Просто мы забыли сказать лошадям Петин адрес.

— Да, Петин адрес! — хлопнул себя по лбу Непоседа. — Мы ведь сами его не знаем.

— Я всё это предвидел, — сказал Мякиш и зевнул. — Зря меня разбудили — мог бы ещё поспать.

— Не беда! — воскликнул Непоседа. — А на что милиция? Там должны знать, где живёт Петя. — И он указал друзьям на перекрёсток, где орудовал жезлом постовой.

— Вперёд! — воскликнул Непоседа, и его пружинки зазвенели по асфальту.

Следом за ним побежали Нетак и Мякиш.

— Товарищ милиционер! — хором обратились к нему мальчики.

— Дядя! — протягивал Мякиш.

— Здравствуйте! — Милиционер приложил руку к козырьку, глазами продолжая следить за транспортом. — Слушаю вас.

Мальчикам так понравилось милицейское приветствие, что они

тут же повторили его сами. При этом они, как в зеркало, заглянули в блестящие голенища милицейских сапог.

— Ловко! — сказал Непоседа, любуясь своим отражением.

А Мякиш, отдавая честь, так щёлкнул каблуками, что его пластиковые тапочки склеились и он шлёпнулся на землю. Но даже лёжа он продолжал приветствовать постового.

Нетак же отдавал честь двумя руками.

— Не могли бы вы нам сказать, где живёт Петя из третьего «Б»? — спросил Непоседа, вытягиваясь всеми пружинками, чтобы казаться повыше.

— Петя? — удивился милиционер и вскинул жезл. — Стало быть, знаете меня? А ведь и я в третьем классе когда-то учился.

— Так это вы? — не поверили мальчики. — У вас теперь новая должность?

— Эге! Да вы меня с кем-то путаете! Как фамилия вашего Пети?

— Фамилия? — повторил Непоседа. — У него их даже две, только я забыл какие... Ты не помнишь, Нетак?

— Дедушкин-Бабушкин! — выпалил Нетак.

— Не совсем точно, — заметил Мякиш. Он всё ещё не мог отклеить свои тапочки и, сидя, ёрзал на мостовой. — Скорее, Дядин-Тётин...

— А может быть, Маменькин-Папенькин? — улыбаясь, спросил постовой.

— Правильно! — обрадовался Непоседа. — Так и есть! Маменькин-Папенькин! Значит, вы с ним знакомы, знаете его? Вы всё, всё на свете знаете?

— Справляемся понемногу, должность такая! — не без гордости заявил постовой. — В моём районе ещё много папенькиных да маменькиных сыночков, и все на учёте.

— А где сейчас наш Петя? — спросил Непоседа.

— Прошу немножечко обождать, — вежливо произнёс милиционер и достал из сумки толстый милицейский справочник.

У справочника был синий, как милицейская форма, переплёт, а посередине переплёта проходила широкая красная полоса. Вот это уж была по-настоящему волшебная, всевидящая книга! Жизнь района была в ней видна как на ладони. Открой только нужную страницу, найди нужную строку — и любая тайна откроется перед тобой.

Справочник начинался большой картой. Если её развернуть, можно увидеть сразу все кинотеатры и магазины, все улицы и закоулки, все дворы и подворотни. Почти половина книги была посвящена школьникам. Этот раздел начинался длинным списком отличников учёбы. Их милиция обязана была всюду приветствовать. Потом на зелёных страницах шёл список юных моделистов, спортсменов и музыкантов. Им тоже милиция обязана была оказывать помощь и знаки внимания. За ними на странице, перечёркнутой красной полосой, шли имена и фамилии дворовых и уличных футболистов. Против каждой фамилии стояло число разбитых

окон. Затем — список злостных нарушителей уличного движения и владельцев самокатов. И, хотя этот вид транспорта не имел номеров, в книге все самокаты и даже обручи были строго пронумерованы.

Книге было известно, кто подсказывает на уроках и где прячутся дневники с плохими отметками. На самом непочётном месте находился список маменькиных и папенькиных сыночков и дочек.

Книга кончалась таблицей умножения, таблицей мер и весов и простыми считалками, вроде «экэ-бэнэ-рэ...» и другими. Короче, от этой книги положительно не было никаких секретов, книга знала поголовно всё, а стало быть, всё было известно и милиции. Вот это справочник так справочник!

Непоседе так понравилась книга, что он не удержался, подпрыгнул и по ремешку от револьвера взобрался наверх, чтобы заглянуть на её листы.

Постовой открыл нужную страницу, не забывая при этом руководить уличным движением, и сказал:

— Петю Мамина-Папина, граждане, вам лучше всего искать в кондитерском магазине № 385 нашего района. — И он жезлом указал на противоположную сторону улицы. Там видна была большая разукрашенная витрина. Закрыв книгу, он сказал: — Осторожнее на переходах!

Этого совета никто из мальчиков уже не слышал. Подняв с земли Мякиша, они летели вперёд.

— Пожалуйста! — сказал им вдогонку милиционер.

Но наши герои были так благодарны постовому, что даже забыли сказать спасибо.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Уличная катастрофа. Добрый дух и добрая Феня

Мякиш, как всегда, бежал последним и успевал на бегу зевать. Ну, а что случается с зеваками на улице — всем известно. Не успел он закрыть рта, как на него налетел какой-то автолихач на новеньком педальном автомобиле.

Нарушая всякие правила поведения на улице, он ехал не по тротуару, а прямо по мостовой. Счастье Мякиша, что юный шофёр вовремя затормозил. Всё же удар был такой сильный, что бедный Мякиш перевернулся, пролетел по воздуху до тротуара и ударился спиной о фонарный столб.

«Кляк!» — оглушил Мякиша удар. «У-у-у!» — загудел столб, и бедняга, превращённый в лепёшку, прилип к столбу.

Он не видел, как исчезли его товарищи, и успел подумать лишь о том, что всё пропало, что никто его теперь не найдёт и не спасёт. Его пластилиновое сердце заныло от жалости к самому себе, и к горлу подступил тёплый комок. Горячие слёзы ручейками потекли из его глаз и прожгли на щеках две узенькие тропинки. Добрая душа, он и не подумал о виновнике своего несчастья, а между тем ничто не ускользнуло от вездесущего милицейского глаза.

Дядя Петя-постовой, как только услышал скрип тормозов, оставил пост и немедленно подошёл к месту происшествия.

— Ваши водительские права! — наклонившись, строго потребовал он у пятилетнего автолихача.

Но тот в ответ заревел, как две автомобильные сирены.

Милиционер раскрыл свой справочник, провёл пальцем по странице и прочёл вслух:

— «Педальный детский автомобиль типа «ЗИЛ» под номером 63, частная машина Вовы Колёсикова. Проживает по Пушкинской, 4/7, кв. 8. Владелец посещает районный детсад № 107, среднюю группу». — Прочёл и снова повторил: — Ваши права! Какое имели право ездить по мостовой?

Но у автолихача в карманах не оказалось не только водительских прав, но даже носового платка, чтобы утереть слёзы и нос.

— Отправляйтесь домой и заприте машину в гараж — под кровать. На вас налагается штраф: вы лишаетесь права кататься целую неделю... Исполняйте! — приказал дядя Петя-постовой и вернулся на своё место, где на асфальте, в кругу, очерченном белой краской, было написано «ОРУД».

А Мякиш висел на столбе. Потеряв надежду на спасение, он

тихо стонал и прислушивался к мерному гудению чугунного столба. Вдруг ему показалось, что внутри столба что-то заговорило. Он приложил к нему своё единственное ухо и начал прислушиваться.

Столб как будто ожил. Он напряжённо работал, пропуская через себя тысячи всевозможных звуков. В нём, совсем как заводные, шумели трамваи и троллейбусы, то и дело раздавались телефонные звонки и перекликались чьи-то голоса. Разговаривали папы с мамами, начальники с подчинёнными, взрослые и дети. Столб говорил то басом, то пищал голосом какой-нибудь Наташи.

— Сегодня в кино не пойду. Я очень занята — у нас кошка родила сразу шесть котят, и все рыжие! — говорила она.

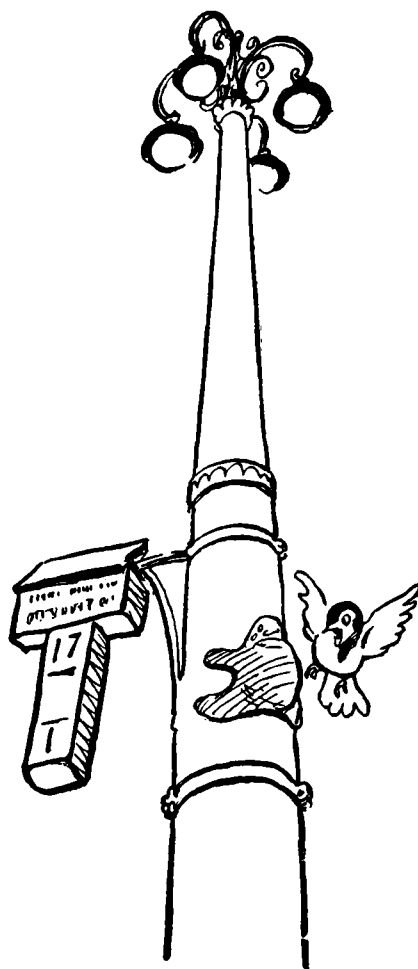
— Пошли на футбол! — приглашал какой-то Вова какого-то Толю.

— Не могу, у меня переэкзаменовка, — слышалось в столбе. Это отвечал Вова с другого конца города. — Мама не пускает, говорит, когда у меня будет переэкзаменовка по футболу, тогда буду ходить. А у меня, понимаешь, по арифметике...

То и дело шелестели телеграммы: «Ш-ш-ш-шу, ш-ш-ш-шу...» Они без конца целовались, поздравляли, требовали то груш, то фанеры... И вдруг в неразберихе голосов Мякиш ясно расслышал голос Непоседы.

— Нетак, Нетак! — кричал тот в телефонную трубку. — Я всюду обыскал — Мякиша нет.

— И я не нашёл, — ворчал Нетак.

— Встретимся у магазина и будем ждать! — сказал Непоседа. — Он туда обязательно придёт!

Разговор прекратился, и на миг в душе Мякиша зажглись искорки надежды: «Они меня ищут, они меня ждут. . . верные мои товарищи». Но искорка тут же погасла, когда он снова почувствовал на спине холод чугунного столба. «Нет, самому не оторваться, не дотянуться до земли. . .»

Казалось, спасти его могло только чудо. И чудо явилось в образе обыкновенного уличного рассеянного воробья. Озорной воробышко, чирикавая, вертелся вокруг столба до тех пор, пока не ткнулся головой прямо в Мякиша и не сшиб его на землю.

— Чуть-чуть не влип! — прочирикал воробей и полетел в небо, как зафутболенный мячик.

Мякиш пытался подняться на ноги, но плоское, расплющенное туловище сгибалось, и он всё время опускался на четвереньки.

Ах, как нужен был сейчас пластилиновому малышу Петя! Мякиш простил бы ему и недолепленное ухо и короткую ногу, только бы тот вернул ему прежнюю форму. «Нет, уж, видно, не суждено мне встретиться с друзьями! Сровняют меня с землёй тяжёлые каблуки, и не станет больше на свете Мякиша».

Он вертел головой и с опаской поглядывал на тяжёлые подошвы, проносившиеся над его головой.

Неожиданно в нос Мякишу ударил ароматный и сладкий дух. Повернув нос по ветру, он уловил тонкие запахи ванили, корицы, мёда и сдобного теста. Все эти ароматы неслись оттуда, где находился кондитерский магазин. У Мякиша сразу бодро застучало сердце и приятно закружилась голова. «Должно быть, это пахнет добрый дух из волшебных сказок. Он мог бы легко меня исцелить — ведь он добрый! . .» И, напрягая последние силы, Мякиш ухватился за каблук проходящего мимо сапога. Сапог как раз держал путь в сторону кондитерского магазина.

Чем дальше ехал Мякиш верхом на каблуке, тем сильнее становились запахи доброго духа. А когда весь воздух вокруг показался ему сплошным ванильным кремом, он оттолкнулся что было сил от сапога и свалился на тротуар.

Теперь он полз на четвереньках и остановился только тогда, когда под самым его носом оказалось подвальное окно, покрытое железной решёткой. Отсюда исходил добрый дух. Мякиш перегнулся и заглянул вниз.

В подвале творились чудеса. Ловкие машины круглыми никелированными кулаками месили белое тесто, а мастера в белых халатах нареза́ли его и придавали различную форму. Куски теста превращались то в рогалики, то в кренделя, то в змейки. Другие

мастера заваривали разноцветные кремы и заливали в фигурные формы жидкий шоколад.

Но ловчее всех работала мастерица, которая из плоских сырых лепёшек теста делала круглые пышки. Это была полная, добродушная женщина, с узкими, как щёлочки, глазами, а быстрые руки её напоминали пышные, румяные батоны. Она

брала с листа блинчик теста и, ловко перебрасывая его с руки на руку, придавала ему форму мячика.

Мякиш загляделся на неё и свалился вниз.

«Нет худа без добра, — подумал он. — Может, она снова делает из меня прежнего Мякиша?»

Он подполз к листу с лепёшками и тихонько улёгся с краю.

— Вы последний? — робко спросил Мякиш у крайней лепёшки.

Но та в ответ только пренебрежительно булькнула. Видимо, внутри у неё всё ещё играли дрожжи, поэтому она всё время ворчала.

Все пекари, булочники и кондитеры с уважением относились к полной мастерице и ласково называли её тётей Феней.

«Это, наверное, добрая фея! — подумал Мякиш. — Конечно, она сделает меня ещё лучше, чем я был прежде».

Тётя Феня была опытной мастерицей, она работала, даже не глядя на руки. Пальцы её мелькали в воздухе, а сама она мурлыкала сдобную сладкую песенку:

Пирожки мои, пирожные,
Заливные и творожные,
Есть и с маком,
Есть и с таким —
Всевозможные!..

Наконец очередь дошла до Мякиша. Он зажмурил глаза и почувствовал, как нежные руки доброй Фени подхватили его и, легко пошлёпав, придали ему круглую форму. Правда, это было совсем не то, чего он хотел, но руки у тёти Фени были такие мягкие и ласковые, что ему уже больше ни о чём не хотелось думать, а хотелось только спать.

Теперь, когда он стал похожим на все остальные пышки, его бережно положили на длинный противень, смазали яичным раствором, посыпали сахаром и воткнули в пуп сладкую изюмину.

«Какое счастье! — подумал Мякиш, облизывая посахаренные губы. — Как я рад, что попал сюда!»

Прошло ещё несколько минут, и его плавно понесли туда, где сияло что-то яркое и большое, как солнце.

В это время вокруг магазина метались Непоседа и Нетак.

— Мякиш, Мякиш! — кричали они.

Но Мякиша нигде не было. Они снова и снова шарили вокруг магазина, и кто знает, чем бы закончились их поиски, если бы туда же не прилетел воробей. Тот самый воробей, который сшиб Мякиша со столба. Дорогу сюда он знал отлично. По три раза

в день прилетал он к этому окну, чтобы попить, полакомиться сладкими крошками. Он видел, как свалился Мякиш в подвальное окно. Теперь, сидя на железной решётке, он кланчил сладкие крошки.

— Мальчик-чик! Мальчик-чик! — закричал он пробежавшему мимо Непоседе.

— Э-э, чем ты можешь нам помочь, серый! — махнул рукой Непоседа.

Воробей закивал головой, тыча клювом в решётку: «Фить-фить! Фить-фить!»

Непоседа сразу всё понял и ринулся к подвальному окну.

— Сюда, сюда! — кричал он Нетаку, болтаясь на одной руке, которой ухватился за прут решётки.

— В чём дело? — спросил Нетак.

— За мной! — крикнул Непоседа.

Они кубарем скатились вниз и сразу увидели своего друга. Но их радость сменилась ужасом. У Непоседы на голове дыбом поднялись пружинки, а у Нетака — стружки.

Противень с пышками медленно вползал в печь, и Мякиша уже лизали красные языки пламени. Ещё миг — и он растает, как ириска!

Что делать?

Непоседа знал, что такое огонь. Когда-то его пружинки закаляли в пламени. Без этого они не были бы такими прочными. Но это очень больно! . .

А для деревянного Нетака огонь — это просто смерть! И всё же он не колеблясь побежал на выручку друга.

Оба они, Нетак и Непоседа, прямо по сырым пирогам бросились к огненной пасти. К счастью, Непоседа опередил деревянного смельчака. Он схватил Мякиша за ногу, вытащил его из печи, а заодно вытолкнул и Нетака. Мякиш шипел и пузырился, как шкварка, а у Нетака обуглилась голова.

— Скорее к вентилятору! — крикнул Непоседа, устремляясь к широкой трубе, которая выходила прямо в подвальное окно.

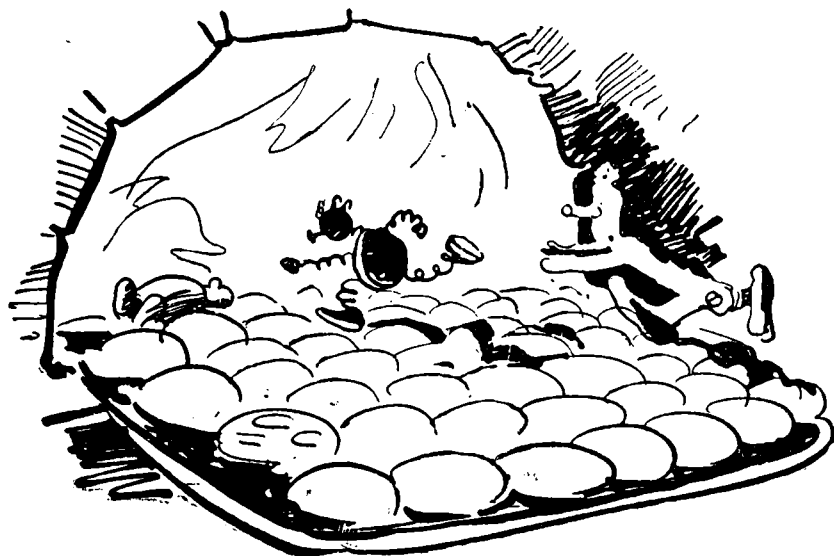
Это как раз и был тот ход, через который на улицу выходили

сладкие запахи ванили, корицы и мёда. И поверьте, если бы над магазином сняли вывеску «Кондитерские изделия», покупателей несколько не убавилось бы, потому что добрый дух прямо за нос тащил ребятишек в свой магазин. . .

Мякиш лежал под вентилятором. Он дулся и пузырился, готовый каждую секунду расплыться по подоконнику.

— Ну, Мякиш, ну, миленький! — нежно просил Непоседа. — Крепись! Будь твёрдым!

— Но я не могу быть твёрдым, — со слезами отвечал Мякиш. — Вот подует на меня ветерок, и я стану чуточку твёрже.

Он начал подставлять свои бока под сквознячок вентилятора и скоро перестал пузыриться.

Друзья заметили, что он стал похож на пышную булочку, но ничего ему не сказали. Нетак всё время щупал свою обгоревшую голову, а потом гордо выпятил грудь и сказал:

— А мне полагается медали! Медаль за отвагу!

Непоседа ничего ему не ответил. Он подождал ещё минуту, а потом схватил обоих товарищей за руки и потащил их вверх по лестнице.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Поездка в кремовом автобусе

Только теперь наши путешественники попали в кондитерский магазин. На полках и на прилавках грудями лежали конфеты, фигурный шоколад, торты и печенья. У прилавков толпились покупатели, но больше всего было детей. Они бегали от касс к прилавкам, и все что-нибудь жевали. Дети ели конфеты, а конфеты поедали их зубы. Мальчики и девочки из-за этого ужасно шепелявили, свистели и говорили примерно так:

- Товарис продавеш, позалуйста, соколадку!
- Скажите, школько штоит «Миска на шевере»?
- Дайте, позалуйста, сесть стук шладких сусариков! . .

Непоседа, Мякиш и Нетак шныряли по стойкам и во все глаза разыскивали Петю.

Но Пети в кондитерской не было. Мальчики уже хотели покинуть магазин, как вдруг вошла какая-то старушка и, подойдя к продавщице, спросила:

- Торт для моего внука Пети готов?
- Пожалуйста, готов, — ответила продавщица. — Давно готов! Только сегодня среда, а вы забираете уже воскресный торт.
- Что поделаешь, голубушка! — вздохнула старушка. — От капризита другого лечения нет. Петенька без торта шагу ступить не хочет.

Продавщица с трудом вытащила из-под прилавка торт величиной с автобусное колесо и сказала:

- Это ваш — можете проверить.

Бабушка надела очки и вслух прочитала надпись, сделанную шоколадом по белому крему: «Пете Мамину-Папину».

— Пусть ест и поправляется, — вежливо сказала продавщица и достала большую картонную крышку.

Торт занимал почти весь прилавок, а покупатели-сладкоежки, став на цыпочки, с завистью поглядывали на его кремовые розы.

— Чего ждёте! — зашипел Непоседа, толкнув своих друзей. — Прыгайте в торт!

Непоседа и Нетак мигом вскочили в торт и втащили Мякиша, а продавщица накрыла их крышкой и туго перевязала голубой лентой.

— Ура! Тронулись! — крикнул Непоседа.

«Мягко, сладко, и билета не нужно. Отличный автобус!» — подумал Мякиш.

— Би-би! — просигналил Нетак, и торт, покачиваясь, поплыл над землёй.

Мякиш после всего пережитого набросился на кремовую розу и съел половину.

Обхватив двумя руками коробку, бабушка торопилась домой, а Непоседа, Нетак и Мякиш лежали в мягком креме и прислушивались ко всему, что происходило на улице — по ту сторону коробки.

— Бабушка пошла быстрее! — сладко зевая, сообщил Мякиш.

— Она сейчас переходит улицу, — сообразил Непоседа. — Слышите, проехал автобус!

Нетак тоже хотел что-то сказать, но захлебнулся кремом. А потом постепенно начало засасывать всех. Когда крем добрался до ртов, пришлось быстро-быстро его есть, чтобы не утонуть с головой.

Первым коснулся дна коробки Непоседа. Он стал на цыпочки и закричал:

— Эй, братцы, проедайте скорей дорожку и давайте ко мне — здесь дно!

Все трое начали быстро глотать крем, пока не выели целую пещеру, и спокойно улеглись в ней. Тут от сладкого крема у них страшно разболелись те места, где у настоящих мальчиков бывают зубы.

— М-м-м! — простонал Мякиш. — Бедный Петя!

— Почему? — спросил Нетак.

— Он в день съедает по полтора торта! . .

Больше никто из них ничего не сказал, потому что коробку встряхнуло и кремовая роза завалила собой всю пещеру.

Что было дальше, никто из них не помнит. Пришли они в себя

только тогда, когда кто-то выудил их из крема и языком тщательно облизал с головы до пят.

Конечно, это был сам Петя. Он положил трёх малышей рядышком на стол и побежал в кухню:

— Мама, мама! Посмотри, какие в торте маленькие мальчики!

Пете и в голову не пришло, что он облизал своих старых знакомых. А Непоседа, Мякиш и Нетак, придя в себя, прыгнули со стола и спрятались в кадучке большого фикуса.

— Мальчики! Вот они!

В комнату вбежала вся семья и домработница Дуся.

— Боже мой! — со стоном опустилась на стул Петина мама. — Ребёнок бредит, у сына температура! У него мальчики в глазах!.. На помощь, на помощь! Эта болезнь убьёт моего Петю!

— Неужели в торте мальчики? — озадаченно спросила бабушка. — Меня в кондитерской ни о чём не предупреждали. Не может быть!

— Всё может быть! — решительно заявила Дуся. — В этом доме всё может быть!

После этого бабушка подняла глаза в угол, где висел, как икона, портрет Петиного дедушки, и незаметно перекрестилась.

— Кто разволновал Петю? — строго спросила у всех мама.

Бабушка сказала, что сама за Петю переписала из учебника по русскому языку третий параграф под заглавием «Делай всё сам!» и решила обе заданные ему задачки. Так что Петя на неё не в обиде.

Дедушка сказал, что два раза катал внука верхом и ноги у ребёнка не должны болеть.

Непоседа, Мякиш и Нетак слушали и следили из кадучки за всем, что происходило в комнате.

— Тяжело Пете! — покачав головой, сказал Мякиш.

— Ему надо скорее бежать в лагерь, — решил Непоседа.

— В лагерь! — твёрдо сказал Нетак.

Да, положение у Пети было незавидным. Подумайте сами: уроки ему делать не давали — их делала за него бабушка. Пешком ходить не позволяли. А в футбол он мог играть только во сне. Единственное, что ему разрешали делать, — это кататься верхом на дедушке и кушать манную кашу в неограниченном количестве.

— Срочно профессора! — приказала мама. — Срочно карету «скорой помощи»! Пусть папа немедленно едет в поликлинику!

Но папы, как назло, не было дома. Мама сама разрешила ему уйти из дому, чтобы изготовить какой-то винтик для самокормящего аппарата. (Один рычаг его плохо работал и всё время подносил ложку не ко рту, а к уху.)

Петю насильно уложили в постель и положили на голову большой тяжёлый кусок льда.

Петя бился, как лев, капризит буквально выбрасывал его из постели. Мама подмигнула бабушке, и та, подсев к Петинной кровати, запела колыбельную песню. Внук вертелся под одеялом, как живая гора, а бабушка сонным голосом тянула: .

Баю-баюшки-баю,
Внуку песенку спою.
Приходи к ребёнку в сон
Шоколадный толстый слон,
Мармеладный бегемот!
Спи хоть сутки напролёт —
Пусть растает капризит,
Вырастает аппетит...

Наконец бабушка уснула. Под постелью, облизнувшись, задремал Сардель, а потом захрапел и сам Петя. Мякиш, конечно, захрапел сразу же, как только бабушка пропела первые два слова: «Баю-баюшки».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Побег

Непоседе и Нетаку пришлось немало потрудиться, пока им удалось вытолкнуть спящего Мякиша из вазона. Надо было срочно выручать Петю — немедленно бежать с ним в лагерь. Мальчики взобрались на постель к спящему Пете.

Над Петиной постелью висел портрет папы, как две капли воды похожего на сына.

Петя дышал глубоко, и одеяло ходило то вверх, то вниз.

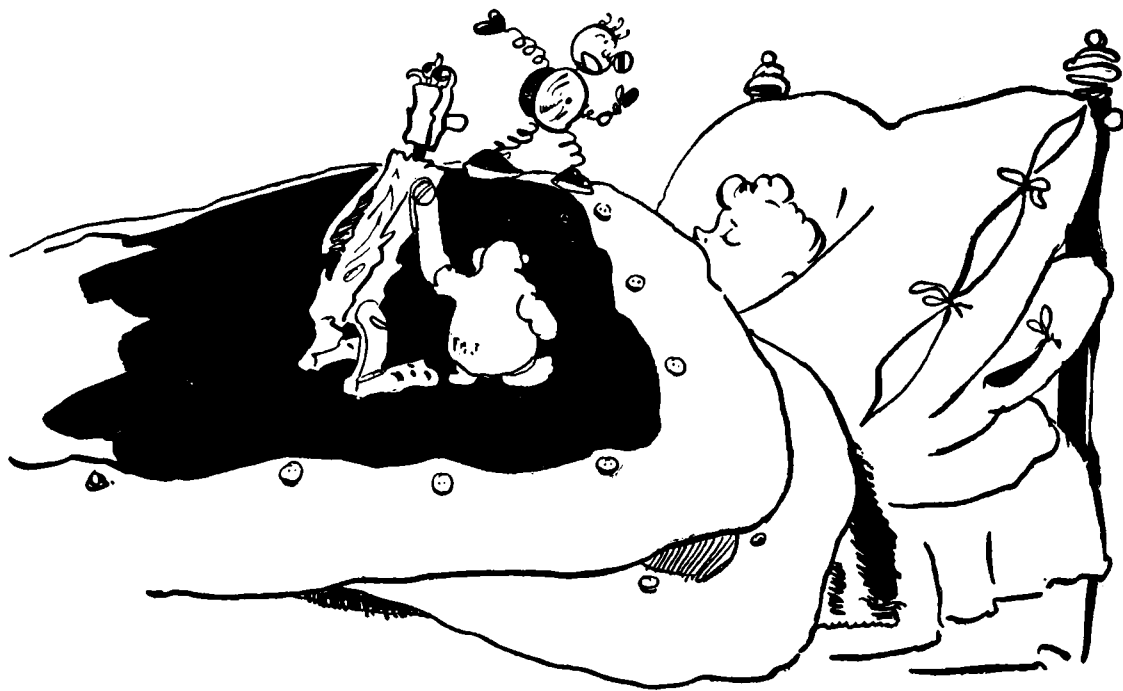
— Умеет спать! — с завистью заметил Мякиш.

Петя действительно спал на «отлично». Эту работу он знал хорошо и всегда выполнял самостоятельно.

— Вставай, вставай! — звенел пружинками Непоседа.

— Вставай, вставай! — топал по постели Нетак.

Мякиш залез спящему прямо на лицо, начал теребить его за нос и, конечно, залепил обе ноздри.

Петя чихнул и проснулся.

Он заворчал по-медвежьи и приоткрыл один глаз.

— Ах, это вы! — просопел он, пытаясь перевернуться на другой бок.

— Вставай! Вставай! — в отчаянии крикнул Непоседа. — Надо скорее бежать!

— А куда? — спросил спросонья Петя.

— В лагерь!

— В лагерь?! — оживился Петя и даже приподнялся на постели.

— Да, в пионерский лагерь! Там лес, там река...

Большого Непоседа о лагере сообщить не мог, потому что сам никогда там не бывал. А Петя знал, что такое пионерский лагерь. В прошлом году он там пробыл целый день, но остаться ему не удалось. Мама поставила условие: «С Петей в отряде должен находиться дедушка и ухаживать за ним!» Ей даже удалось уговорить директора. Одно свободное место было в десятом отряде, у самых малышей. Дедушке выдали майку, трусики, белую панамку и сачок для ловли бабочек. Он уж было начал ловить для своего звена всяких насекомых и мотыльков, но вожатая потребовала, чтобы он сбрил свою бороду. Дедушка категорически отказался. Он обиделся, вернул вожатой сачок и ушёл на станцию. Тогда мама забрала Петю и тоже уехала с ним домой.

Теперь, лёжа в постели, зажмурив на миг глаза, он ясно представил себе лагерь: лес, ребята бегают босиком прямо по шишкам, играют в мяч, ловят больших, как модели планёров, бабочек, с утра до вечера сидят по шею в реке, играют в индейцев и танцуют у костра... А потом пекут картошку в костровой золе и едят её, горячую, душистую, рассыпчатую...

— Ой, картошка! — сказал Петя и решительно сбросил одеяло. — В лагерь! Еду в лагерь! — закричал он и, путаясь в широкой рубахе, запрыгал по постели.

Непоседа, Мякиш и Нетак еле успели перепрыгнуть на подоконник. Кровать рухнула, и из-под неё раздался визг. Снова досталось Сарделю.

A black and white illustration of a man and a woman running away from the viewer. The man, on the left, is wearing a patterned robe and has a large bundle on his back. The woman, on the right, is wearing a dark dress and has a large bundle on her back. They are running on a path with a fence in the background.

— Наконец-то! — сказала домработница Дуся. — Пусть дитя едет! Там много воздуха, и всем нам легче будет дышать.

— С ними, — сказал Петя, — с мальчиками.

Но мама не видела малышей, потому что глаза её были полны слёз.

— Какие мальчишки? — воскликнула она и схватила метлу. — Вон из моего дома! В милицию их! Ловите!.. Подумайте только — в ла-

герь! — кричала она, орудуя метлой. — Там инфекции: коклюш, свинки, ангины, скарлатины!.. Там некому одевать и кормить!.. Петенька, — бросилась она к сыну, — мы тебе купили самого дорогого осла!

— Не хочу играть с ослом, хочу — с ними!

— С кем? — закричала мама и снова заметалась по комнате. — Где они? Ловите!

Бабушка и Сардель тоже начали ловить невидимых малышей.

Непоседа ловко прыгал на шкаф, со шкафа — на карнизы, оттуда — на стол, со стола — под буфет. А Нетак и Мякиш сидели на шкафу и терпеливо ждали, пока утихнет буря.

Наконец Непоседа вскочил на спинку кровати и прошептал Пете на ухо:

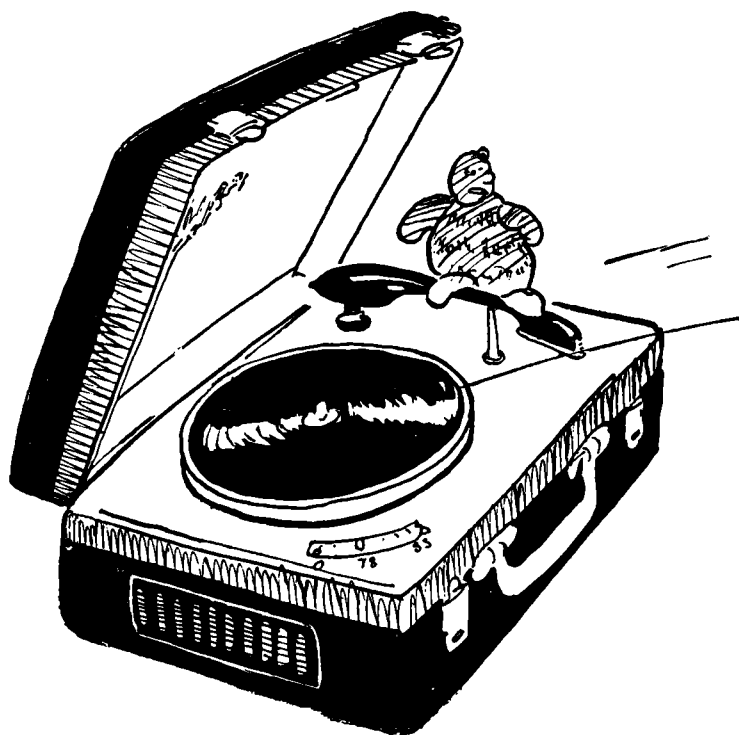
— Одевайся и беги! Встретимся на улице!

— Идёт! — просиял Петя. — Ищите меня на углу, в садике, — и начал сам одеваться.

Оказывается, он не умел только зашнуровывать ботинки, остальное же, представьте себе, делал легко и быстро.

Комната ходила ходуном, как при землетрясении. На пол летели то ваза, то бутыл с наливкой, то тарелки сыпались из буфета, и всё, как нарочно, валилось на толстого, неповоротливого Сарделя.

Не видя нигде никаких мальчишек, мама приказала:

— Скорей в спальню! Они — там! — При этом она махнула щёткой и угодила прямо в стекло балконной двери.

«Дзе-е-ень!» — пропело стекло и захлебнулось свежим ветерком.

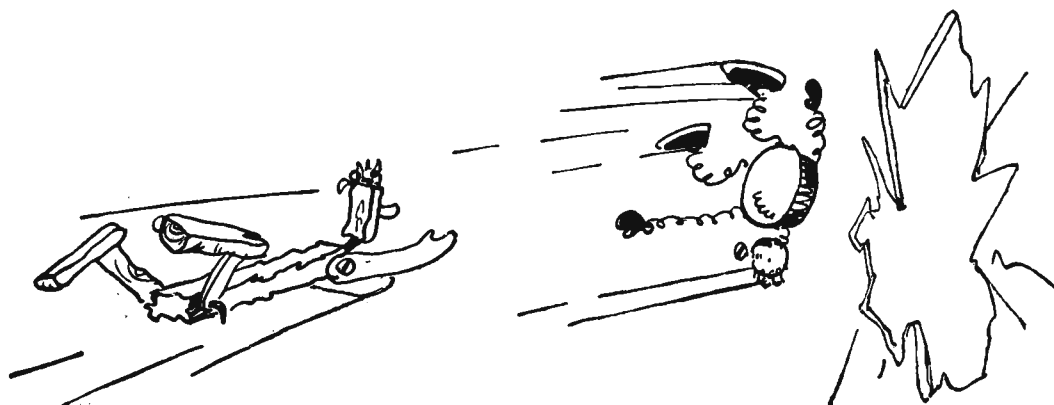
Мама и бабушка не обратили на это внимания и скрылись в спальне.

— Ну и наломали же дров! — сердито сказала Дуся и принялась наводить порядок.

А Петя, улюлюкая, выбежал в парадное и скатился по перилам вниз. Обратите внимание — скатился! До сих пор его сводили по лестницам медленно и только за руку.

Комната опустела.

— Путь свободен! Вперёд, на балкон! — воскликнул Нетак, показывая на разбитое стекло.

Однако дыра была высоко — до неё не допрыгнуть.

И вдруг Непоседа увидел электропатефон. Диск его быстро вращался. Патефон ещё утром забыл выключить Петя.

Петя тоже иногда занимался изобретательством, как и отец. Не зря же он был сыном конструктора.

Патефон он приспособил для стрельбы. Хотите знать, как? Очень просто. Для этого надо включить патефон и на вращающийся диск положить горошину, спичку или хлебный катышек. Бросишь на диск такую пулю — и она летит хоть в стенку, хоть в кошку, хоть в окно — куда захочет.

Первым со спинки стула на диск соскочил Непоседа. В тот же миг он вылетел в разбитое окно балконной двери, только звон прокатился по комнате. Нетак почему-то полетел в другую сторону и угодил в папин портрет, который висел над Петиной кроватью.

Тогда он снова взобрался на спинку стула и снова прыгнул. На этот раз более удачно: он угодил в окно, но пробил в нём новую дыру.

Хуже обстояло дело с Мякишем. Он прилип к диску, и от быстрого вращения его пластилиновое тело начало расползаться, как мягкая глина на круге гончара-горшечника. Он с ужасом вспомнил себя распластанным на столбе и собрал все свои силы. Крякнув, он оторвался от диска и тоже вылетел на балкон.

Следом за ним почему-то вылетел плюшевый осёл. Впрочем, этого следовало ожидать, потому что он никого в доме не успокаивал, а только раздражал. Кому в доме нужен осёл?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Петя сам ходит по улице. Цирковая тележка. „Але-оп — сальто-мортале — кульбит — гав-гав-гав!“

— А как мы попадём на улицу? — озадаченно спросил Непоседа, с опаской поглядывая вниз с четвёртого этажа.

— Э-эх! — пропищал Мякиш. — Я так и знал! Всегда что-нибудь помешает в последнюю минуту. . .

А Петя в это время шёл по улице без провожатого. Петя не знал, что делать от счастья. То ему хотелось лечь на мостовую и смотреть в небо, то бежать против движения, то ходить колесом или прыгать на одной ноге.

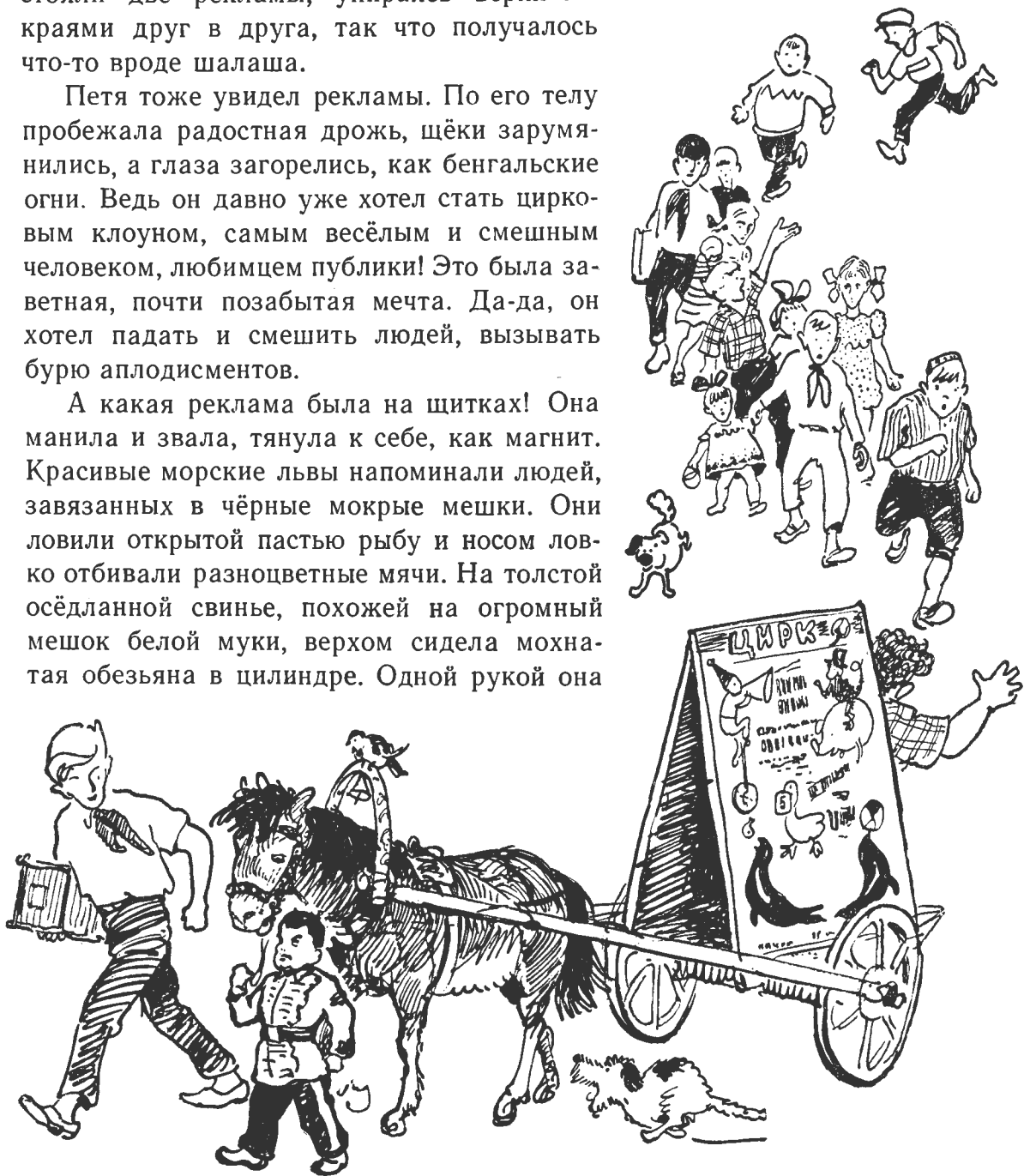
«Смотрите! — хотелось кричать ему. — Я хожу по улице без мамы и папы! Я самостоятельный! Могу делать что хочу, идти куда хочу, ходить как хочу! Вот возьму да пойду на руках по мостовой! Вот возьму и нарушу правила уличного движения! . . .»

Однако Петя ничего этого не сделал, потому что прохожие смотрели вовсе не на него. Их внимание привлекла маленькая цирковая тележка, запряжённая пони — карликовой лошадкой.

Пони вёл под уздцы лилипут, а на тележке стояли две рекламы, упираясь верхними краями друг в друга, так что получалось что-то вроде шалаша.

Петя тоже увидел рекламы. По его телу пробежала радостная дрожь, щёки зарумянились, а глаза загорелись, как бенгальские огни. Ведь он давно уже хотел стать цирковым клоуном, самым весёлым и смешным человеком, любимцем публики! Это была заветная, почти позабытая мечта. Да-да, он хотел падать и смешить людей, вызывать бурю аплодисментов.

А какая реклама была на щитках! Она манила и звала, тянула к себе, как магнит. Красивые морские львы напоминали людей, завязанных в чёрные мокрые мешки. Они ловили открытой пастью рыбу и носом ловко отбивали разноцветные мячи. На толстой осёдланной свинье, похожей на огромный мешок белой муки, верхом сидела мохнатая обезьяна в цилиндре. Одной рукой она

держала сигару, а другой ловко чесала спину. Гусь с длинной изогнутой шеей держал в клюве фанерную дощечку с цифрой «5» — настоящей школьной пятёркой. А рядом, оседлав одноколёсный велосипед, малыш в спортивном костюме кричал в рупор:

ВНИМАНИЕ!

ВНИМАНИЕ!

СЕГОДНЯ НОВАЯ ПРОГРАММА!
ТРИ ДНЕВНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ!

НА АРЕНЕ МИРОВЫЕ РЕКОРДСМЕНЫ!
ЗНАМЕНИТЫЙ ФОКУСНИК КЛЕОПАРДИ
БУЛЬДОГИ-ФУТБОЛИСТЫ!

СПЕШИТЕ!

СПЕШИТЕ!

Всё это было нарисовано на рекламных щитах.

У Пети внутри что-то задрожало. Забыв обо всём на свете, он бросился наперерез движению, увёртываясь от машин с ловкостью, которой от него трудно было ожидать.

Только дважды задерживался он на мостовой — он не знал, в какую сторону бежать от автомобилей. Петя влево — машина влево, Петя вправо — машина вправо. От них-то он отвязался, а с велосипедистом столкнулся — и с двумя прорехами на штанах побежал дальше.

Догнав тележку, он забрался под рекламные щиты и оттуда начал размахивать руками, строить гримасы, кричать петушиным голосом и даже лаять: «Здрасьте! Меня зовут Бим! Ха-ха-ха!.. Новая программа! Бесплатные билеты! Спешите! Спешите!.. Але-оп — сальто-мортале — кульбит — гав-гав-гав!..»

Затем Петя попробовал сделать на тележке стойку, но руки не выдержали его собственного веса, и он, словно куль, шлёпнулся на мостовую. Прохожие смеялись и аплодировали. Они были убеждены, что всё это подстроила цирковая администрация, что это настоящий клоун. А услышав про «бесплатные билеты», многие тут же поторопились прямо в цирк. Впереди всех, конечно, бежали ребята.

Петя, ковыляя, догнал тележку, снова залез на неё, и вся эта живая реклама на колёсах поехала дальше.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

и, несмотря на это, счастливая, потому что все наши путешественники попадают в цирк

Непоседа, Мякиш и Нетак всё ещё находились на балконе четвёртого этажа. В комнату они войти не могли, а как очутиться на улице? Вот вопрос, над которым приходилось ломать голову.

После долгого раздумья Мякиш сказал:

— Лучше всего, пожалуй, съехать вниз, — и указал товарищам на водосточную трубу, которая проходила рядом с балконом.

Непоседа первым прыгнул на трубу. Железо под ним зазвенело, завизжало и задрожало. Со стороны можно было подумать, что кто-то ножом скребёт кастрюлю. А из-под его металлических ног и рук словно от точильного круга брызгами рассыпались искры. Когда спускался деревянный Нетак, труба глухо тарахтела:

«Бум-турурум! Турурум-бум!»

Последним прыгнул на трубу Мякиш. Солнце нагрело трубу, и весь он прилипал к ней. Поэтому, когда он отклеивал поочерёдно руки и ноги, труба издавала чавкающие звуки: «Смак-чвак! Чвак-смак!»

Прохожие с испугом оглядывались на трубу, опасливо сторонились и даже переходили на другую сторону.

Наконец наши путешественники съехали на тротуар.

— Садик! Садик! Я вижу садик! — закричал Непоседа. — Скорей туда, там ожидает Петя!..

И все трое побежали на угол, где за металлической изгородью был разбит небольшой сад. Но Пети там не оказалось.

Непоседа обегал все аллеи, все клумбы, искал под каждым листиком и цветком, но так и не нашёл его.

— Всё пропало — Пети нет!

— Я так и думал, — зевнул Мякиш, укладываясь спать под садовую скамейку.

Но тут Непоседа заметил, что на тротуаре появились десятки ребячьих ног. С каждой минутой их становилось всё больше и больше.

Ребята весело переговаривались, и сверху то и дело доносились:

- Скорей, скорей!
- Вот здорово — бесплатные билеты!
- А вдруг нам не достанутся?
- Ух, и программа сегодня! . .

На противоположной стороне стояло большое круглое здание, украшенное цветными афишами. Из репродукторов неслась веселая музыка и громкий голос извещал:

- Внимание! Внимание! Начало через пять минут! . .
- Да это-о же цирк! — догадался Мякиш.
- Цирк! Цирк! — запрыгал Непоседа. — Скорее в цирк!

И мальчики устремились к круглому зданию, куда уже со всех сторон стекались люди. Сюда же торжественно подъезжала тележка, на которой важно восседал Петя.

- Смотрите — Петя! — крикнул Непоседа.

Но тележка уже въезжала в цирковые ворота, и те закрылись прямо перед носом игрушечных мальчиков. Щелей в воротах нигде не оказалось.

— Он заехал в цирк! — сказал Непоседа. — И нам тоже туда нужно.

- Билеты бесплатные, почему не пойти! — ответил Нетак.

— А во-он и касса! — протянул Мякиш, и все трое побежали туда, где у окошка толпились ребята.

У кассы творилось что-то невообразимое. Ребята шумели, орали и требовали самого директора.

— Да вы что! — кричала из окошка кассирша. — Какие такие бесплатные билеты? Кто вам сказал это?

— Кто? Ваш главный клоун — вот кто! — кричали ребята. Они наседали, требовали, шумели. . .

Непоседа, Нетак и Мякиш так и не сумели пробиться к кассе. Но тут раздался первый звонок, и толпа быстро рассеялась.

Мальчики оказались одни перед кассой. Под окошко кассы тотчас же был пододвинут толстый кирпич. Нетак влез на него первым. На плечи ему залез Мякиш, а Мякишу на голову взо-

брался Непоседа. Пирамида раскачивалась, но Непоседа успел дотянуться до окошка кассы и крикнуть:

— Билет!..

Только кассирша протянула билет, как пирамида с грохотом рухнула. Пришлось заново строить пирамиду.

— Сколько раз вам повторять — бесплатных билетов нет, платите деньги!

Пирамида рухнула в последний раз. Денег, конечно, ни у кого из них не было, и, если говорить правду, они их ни разу в жизни не видели.

Минуту спустя все трое стояли у входных дверей, где всё ещё толпились ребята. Одни приставали к взрослым и просили:

— Тётьенька, возьмите меня с собой!

— Дяденька, скажите, что мы ваши сыночки!..

Другие всё ещё кричали и возмущались:

— Почему нет бесплатных билетов?!

— Сам главный клоун объявил, что билеты бесплатные!..

Представление уже начиналось, и на улице были слышны музыка, смех и аплодисменты. В дверях появился огромный мужчина в плаще и шляпе. По всему видно было,

что это бывший борец. Он тяжело дышал, а уши его, раздавленные в схватках, двумя блинчиками плотно прилегали к голове.

— Никаких бесплатных билетов нет! — сопел он. — Это какой-то шарлатан обманул вас! — И, обращаясь к контролёрше, приказал: — Чтобы у вас без билета ни один человек не прошёл!

Это был сам директор цирка, потому что контролёрша так и сказала:

— Не волнуйтесь, товарищ директор, у меня без билета ни заяц, ни мышь не прошмыгнут!

Контролёрша была строгая и бдительная: на её носу сидело две пары очков, билеты она подносила к самому носу и ещё прощупывала их руками.

Вдруг к дверям подошёл мальчик с папиросой в зубах и тросточкой в руке и спокойно прошёл мимо контролёрши.

— Ваш билет? — строго спросила она и остановила мальчика.

— Вы что, не видите? — обиженным тоном сказал мальчик. — Я лилипут, ассистент фокусника Клеопарди!

— Ах, простите, я вас не узнала! — извинилась контролёрша.

Но тут появилось ещё с десяток «лилипутов», и, если бы не директор, контролёрша всех пропустила бы.

— Вон отсюда, бесстыжие! — крикнул директор. — А ещё в школе учитесь! . .

Конечно, это были те самые ребята, которые надеялись на бесплатные билеты.

— Но мы-то настоящие, самые лилипутные лилипуты! — воскликнул Непоседа. — Нас обязаны пропустить!

— Стойте! А вы кто такие? — спросила контролёрша, преградив им путь ногой.

— Мы — великаны! — выпалил Нетак.

— Ишь, мышинные великаны, марш отсюда! — сказала контролёрша и засмеялась.

Вдруг Непоседа толкнул друзей и, лихо подпрыгнув, очутился в оттопыренном кармане директорского плаща. Тот ничего не заметил, потому что отдавал какие-то распоряжения маленькому толстенькому человечку — как видно, администратору цирка.

— Сюда, сюда! — шипел Непоседа и протягивал вниз свои руки-пружинки.

Нетак мигом ухватился за них, Мякиш — за ноги Нетака, и все трое очутились в директорском кармане. Ещё секунда — и «мышинные великаны» без билетов спокойно въехали в цирковое фойе, куда пошёл директорский плащ.

Контролёрша отлично видела проделку трёх малышей, но никому об этом ни слова не сказала, только проворчала себе под нос:

— Нам не велит пропускать без билета, а сам водит бесплатно кого захочет.

Конечно, что можно директору — нельзя контролёру.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Новые таланты Пети

Петя давно уже был в цирке. Он околачивался в большой комнате, где артисты ожидают своего выхода. Перед ним проходили силачи-рекордсмены, девушки-канатоходцы, конюхи вели под уздцы белых коней с пышными султанами на голове. Служители в синей форме с золотыми галунами проводили дрессированных медведей и свиней.

Петя не знал, с чего ему начать. У него не было клоунского костюма. Будь на нём сейчас этот костюм, он не задумываясь побежал бы на манеж, а уж там знал бы, что делать. Петя стоял в раздумье и чесал затылок.

Около него остановился дрессированный гусь-математик, тот самый, что был нарисован на рекламе, и, подмигнув, сказал: «Га-га-га!» Затем немного подумал и важно подал ему жирную двойку, нарисованную на фанере: дескать, вот тебе за твою недогадливость.

Но в эту минуту к Пете подошла женщина с ворохом костюмов и сердито сказала:

— Чего вы стоите? Сейчас выход акробатов-прыгунов, одевай-

тесь! — и, схватив его за руку, потащила в комнату, заваленную пёстрыми костюмами.

Петя хотел сказать, что он никакой не прыгун, а клоун, но промолчал и стал поспешно раздеваться.

Что было делать? Иначе ведь на арену не попадёшь... Костюмерша помогла ему стянуть рубаху и штаны и стала на него натягивать спортивную форму.

— Что это с вами случилось? — спросила она, с трудом натягивая на его покатые плечи костюм. — Отчего вы вдруг растолстели?

— Это я так надулся, — сказал Петя. — Тяните скорей! Я сейчас обратно выдуюсь.

Костюмерша так и не смогла застегнуть пуговицы на его спине и, махнув рукой, выпроводила его из комнаты.

У входа на арену Петя заметил группу артистов и пристроился к ним.

А в это время директор цирка прошёл в конюшню, и, хоть она называлась конюшней, там, кроме лошадей, стояли слоны и верблюды, а в звериных клетках сидели свиньи, петухи и кошки. Директор снял плащ, повесил его на гвоздь возле клетки со свиньёй и удалился.

Раздумывать было некогда.

— Прыгайте! — скомандовал Непоседа и соскочил на асфальтовый пол.

За ним вывалились Нетак и Мякиш.

— Зде-есь Пети нет! — сказал Мякиш. — Что ему делать среди свиней и медведей?

— За мной, на арену! — зазвенел Непоседа.

Но где находилась арена, никто из них не знал. Они устремились вперёд и впопыхах наткнулись прямо на клетку с обезьяной. Мартышка подскочила к решётке и что-то затрещала на своём обезьяньем языке.

... У мартышки были очень умные глаза, а обезьяний язык оказался не таким уж сложным. Они бы охотно побеседовали с ней, но сейчас было не до этого.

— Простите, вы не скажете, как пройти на арену? — вежливо спросил Непоседа.

Обезьяна немедленно почесала живот, сморщила нос, фыркнула, протянула хвост через решётку и, свернув его узелком, показала кукиш.

— Ловко! — изумился Мякиш.

А Нетак рассердился и ударил деревянным кулаком по дверце. Замок звякнул, и дверца распахнулась. Обезьяна, как пуля, выскочила из клетки и исчезла.

— Сами найдём, подумаешь! — рассердился Непоседа и побежал по длинному коридору.

Чем дальше они бежали, тем громче были слышны смех, музыка и аплодисменты. Так они оказались у выхода на манеж.

Проскочив под бархатными портьерами, все трое очутились в большом цирковом зале у круглого барьера, обтянутого красным плюшем.

Прожекторы освещали арену, оркестр играл весёлый галоп, публика шумно хлопала. Ослеплённые яркими лучами прожекторов, они сперва ничего не могли разглядеть, но, когда глаза их привыкли к свету, они увидели перед собой Петю. Что с ним происходит, они понять не могли. Одетый в тесную цирковую форму, Петя вырывался из рук каких-то акробатов.

Наконец он вырвался, вскочил на доску трамплина и весело крикнул:

— Але-оп!

На другой поднятый конец доски с высокой стойки прыгнул здоровенный детина. «У-у-ух!» — тяжело вздохнула доска, и Петя, раскинув руки и ноги, полетел вверх, как мешок, набитый опилками.

По металлическому телу Непоседы словно пробежал ток. У Нетака на голове стружки стали дыбом. А Мякиш от страха так похолодел, что тело его окаменело и он долго не мог разнять рук. В цирке закричали стулья, и под куполом, как ветер, пронеслось шумное «Ах!».

Петя неуклюже перевернулся в воздухе и полетел головой вниз. Оркестр захлебнулся. Ещё миг — и Петя не собрал бы своих костей. Но у самой земли его подхватили крепкие руки акробатов, и все вместе грохнулись на землю. Публика радостно вздохнула. Акробаты схватили Петю за руки и, бледного, брыкающегося, повели к выходу.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Под куполом цирка. Небывалая футбольная встреча

За кулисами стояла костюмерша и держалась руками за голову, а рослые парни-акробаты кричали, перебивая друг друга:

— Кто подсунул нам этого толстяка?

— Это какой-то самозванец!

— Мы предупреждали, что наш Вова болен, что выступаем без него!

— Вон его из цирка! . .

Но не тут-то было. Петя пришёл в себя и начал вырываться. Кто знает, чем бы всё это кончилось, если бы в эту минуту не появилась обезьяна, та самая, которую выпустил из клетки Нетак. Задрав хвост, она мчалась по коридору, а за ней бежал сам директор цирка и на ходу отдавал распоряжения:

— Ко мне, на помощь! Аврал! Ловите! Держите! . .

Артисты, конечно, тут же забыли о Пете и принялись выполнять приказ директора.

Петя же, воспользовавшись суматохой, быстро подбежал к большим ящикам, на которых белыми буквами было написано «КЛЕОПАРДИ», и влез в один из них.

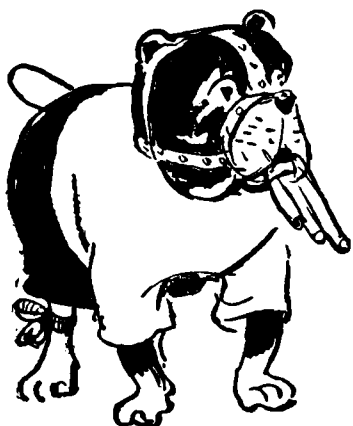
И как раз в это время знакомый нам лилипут, ассистент знаменитого фокусника Клеопарди, подошёл к ящику, вбросил в него петуха и трёх кроликов и захлопнул крышку. Двое рабочих подцепили ящик крючком к канату, и он медленно поехал через выход на арену вверх — выше, выше, выше и остановился под куполом цирка.

Теперь у выхода на арену толпилась целая свора бульдогов в трусах, у всех у них были обрублены хвосты и уши.

Униформисты в это время чертили на арене, засыпанной опилками, футбольное поле и расставляли флажки. Клоун в длинном пиджаке и коротких штанах устанавливал ворота. При этом он всё время падал и хватался за нос, а когда чистил его — из ноздрей целой струёй сыпались опилки.

Непоседа, Мякиш и Нетак пришли в такой восторг, что совсем забыли о Пете. Они прыгали под стулом и хохотали так, что зрители, сидевшие над ними, недоуменно переглядывались. Шутки клоуна будто специально были придуманы для игрушечных мальчиков.

Наконец снова зажглись прожекторы, оркестр заиграл польку-лайку, и клоун провозгласил:

— Лучший аттракцион новой программы — бульдоги-футболисты!.. Прошу!..

Публика заёрзала на стульях, засвистела, зааплодировала, и на арену выбежала лающая команда.

Началась разминка. Судья-бульдог в белой рубашке сам нарушал всякие правила игры: он мешал

игрокам, бросался на мяч и толкал его своим тупым носом.

Зрители превратились в ярых болельщиков; они начали обниматься, целоваться и грызть семечки — совсем как на стадионе.

Клоун засунул два пальца в рот и свистнул. Разминка прекратилась. Потом он достал из-под полы новенький красный футбольный мяч и, зажав его под мышкой, объявил:

— Уважаемые зрители, на нашем поле находится знаменитая футбольная команда «Ни уха, ни хвоста», победительница игр прошлого сезона, завоевавшая кубок «Любительской колбасы»!

Публика наградила футболистов бурей аплодисментов.

Клоун продолжал:

— Наша команда вызывает любую команду на состязание. Победители в награду получают вот этот прекрасный приз! — И он завертел на шнурке вокруг головы красный мяч, который мог бы стать гордостью любой дворовой команды.

Только он это сказал, как ящик под куполом дёрнулся и закачался, точно маятник. Ни кролики, ни петух не были в этом повинны. Вертелся в ящике Петя. Он слышал, что сказал клоун, а в щёлку, которая была на дне, видел красный футбольный мяч. Пропадала такая возможность! Есть мяч, есть команда, а играть он не может. Пете в эту минуту было безразлично, где играть, с кем играть, за кого играть, лишь бы играть. Вот почему под куполом цирка дёргался и качался ящик с надписью «Клеопарди».

Среди публики нашлись смельчаки, которые пожелали сразиться с бульдогами, но, разглядев соперников поближе, немедленно убежали.

А под стулом первого ряда три игрушечных мальчика переглянулись между собой и, не сговариваясь, выбежали на манеж. Публика сначала затихла, а потом задвигалась, зашумела. Посыпались вопросы: «Кто?», «Что?», «Откуда?». . . Некоторые даже подбегали к барьеру, чтобы поближе разглядеть небывалых чelовечков. Клоун сначала протёр глаза, а потом схватил метлу и направился к трём малышам. Но тут появился сам директор цирка. Он задержал клоуна и что-то шепнул ему на ухо. Клоун оглушительно захохотал и хлопнулся на опилки. Затем вскочил, отряхнул свои короткие брюки и снова объявил:

— Уважаемые болельщики! Сейчас произойдёт небывалая в мире встреча между командой «Ни уха, ни хвоста» и командой марсиан-великанов! . . . Итак, разыграем ворота и подачу!

Клоун быстро оторвал от своего синего пиджака белую пуговицу и протянул обе руки вперёд со сжатыми кулаками. Бульдог — капи-

тан команды — решил, что в руке у клоуна сахар, и, подпрыгнув, схватил пальцем весь правый кулак. Затем, рыча, выплюнул пуговицу и грубо облаял клоуна.

— Чего тут долго раздумывать? — воскликнул Непоседа. — Вперёд, братцы, сразимся!

— Что ты. . . — протянул было Мякиш, но деревянный упрямец так ткнул его кулаком в бок, что Мякиш покатился, как шар.

Непоседа схватил друзей за руки и потащил их на футбольное поле. Игрушечная команда, не дожидаясь розыгрыша, заняла западные ворота и расположила силы так: Мякиш стал в воротах, Нетак — на защиту, а Непоседа, конечно, стал нападающим.

Игру можно бы начинать в любую минуту: судья-бульдог свистел не переставая, потому что сирена была вделана прямо в намордник.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

20:3 в нашу пользу. Триумф фокусника Клеопарди

Население города, в котором жил Петя, состояло из одних болельщиков футбола, чего за другими городами не замечалось.

Ещё не начался матч, а в проходы цирка потоками валили люди. По городу с быстротой молнии пронёсся слух, что в цирке происходит футбольная встреча с командой марсиан-великанов.

К цирку, визжа тормозами, подкатывали машины, толпы болельщиков запрудили улицы. Директору пришлось вызвать конную милицию, чтобы спасти стены цирка от бешеного напора публики. Он потирал руки и приговаривал:

— Неслыханный успех! Колоссальные сборы! Аншлаг! — и выдавал кассиршам новые билетные книжки.

А жители города всё прибывали. Тысячи не проникших в цирк стояли под репродукторами и слушали репортаж о футболе, который вёл главный клоун.

Матч длился уже десять минут, а счёт всё ещё не был открыт. Подтянув трусы, бульдоги бросались на ворота противника, но Нетак умело держал защиту, а Непоседа ловко уводил мяч и гнал

его подальше от своих ворот. Нелёгкая это была работа для игрушечных человечков. Мяч был кожаный, плотный, чуть побольше самих игроков. Чтобы покатить его вперёд, Нетаку и Непоседе нужно было разогнаться и весом всего тела бить по мячу. Мякиш, который хоть и зевал без конца, не прозевал ни одного мяча. Он то и дело сплющивался от ударов, принимал разные формы, но быстро приходил в себя.

Борьба с каждой минутой обострялась. Бульдоги вели нечестную игру: они огрызались и хватили зубами противников. Особенно был страшен полосатый бульдог из нападающих. Одного глаза у него не доставало (он был потерян в драке), но другой глаз, существующий, был страшнее двух волчьих. Зелёный и круглый, он метал свирепые молнии. Взгляд его был равносильен укусу.

Этот футболист и привязался к Непоседе. Он всё время наступал ему на пятки и норовил подставить лапу. Клыки его то и дело касались спины железного игрока.

Непоседа терпел сколько мог, а потом решился на самую крайность.

«Глупый пёс! Наверное, никогда не пробовал железа», — подумал он и круто остановился.

В тот же миг спина его оказалась в собачьей пасти. Раздался звон и хруст. На опилки упали два белых клыка. Цирк огласился диким воем. Обхватив лапами морду, бульдог катался по арене. Судья свистел и лаял. Игра приостановилась. На поле выехала карета «скорой помощи», запряжённая двумя белыми шпицами, и увезла пострадавшего.

Теперь, не выпуская инициативы из своих ног, команда успешно нападала на ворота противника.

Под куполом цирка сотрясал свою тюрьму Петя. Ящик угрожающе раскачивался над ареной. В это время в одной из лож появился новый болельщик, какой-то плотный мужчина. Не успев сесть на стул, он начал кричать:

— Так их, родименьких!.. В коробочку их, в коробочку!..

Болельщик так прыгал, что чуть не вывалился из ложи. Спасибо, соседи успели схватить за ноги.

Непоседа, Мякиш и Нетак повернули головы на крик и замерли. Лицо нового болельщика показалось им знакомым.

— Да это же Петин папа! — воскликнул Непоседа и сел от неожиданности на опилки.

Сомнений быть не могло: папа был копией своего портрета, который висел над Петиной кроватью. Положение становилось опасным.

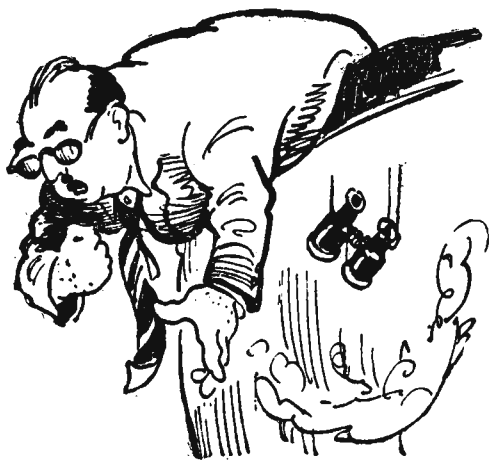
Сидя взаперти под куполом, Петя болел, ящик ходил ходуном и каждую минуту мог сорваться.

Пстя, конечно, тоже увидел папу и от этого почувствовал во рту вкус манной каши. Однако о последствиях возможной их встречи он не подумал, потому что игра увлекла его целиком.

Минутой растерянности воспользовались бульдоги. Они перехватили мяч, и отнять его теперь, казалось, было невозможно. Но в эту минуту какой-то болельщик, чтобы поднять дух собачьей команды, швырнул на поле сосиску. Бульдоги, забыв про мяч, организованно бросились на неё, и вся команда, с капитаном и судьёй во главе, превратилась в рычащий и лающий клубок. Пока клоун разнимал бесхвостых футболистов, Непоседа, под ликующие крики болельщиков, забил один за другим десять голов. Он забивал мяч в ворота, сам выкатывал его и снова забивал. Наконец от сосиски ничего не осталось, и бульдоги, подкрепившись, с новыми силами начали атаковать команду игрушечных футболистов.

Теперь положение с каждой минутой становилось всё опаснее. Во-первых, судья был бульдогом и явно подыгрывал своей команде; во-вторых, нашим друзьям всё время били штрафные из-за рук, которыми Непоседа и Нетак задевали мяч. Бульдогам штрафных присудить нельзя было, потому что пойдя разберись, где у собаки руки, а где ноги. У них сплошные лапы. Можно было бы, скажем, засчитать хвост, но и

того у них не было: хвосты и уши были у них обрублены ещё в щенячьем возрасте. Вот отсюда и получила команда своё название «Ни уха, ни хвоста».

Папа в ложе бушевал, как вулкан; мамы рядом не было, и он мог себе позволить что угодно. Возмущённый поведением судьи, он первый закричал:

— Судью с поля!..

В публике его поддержали:

— С поля!..

Ряды собачьей команды дрогнули и пришли в замешательство.

Счёт начал быстро расти в пользу нашей команды. Игра могла закончиться для бульдогов всухую, если бы не Нетак. Всё ему казалось неправильным, потому что ничего не делалось наоборот. Он терпел, пока мог, но на последней минуте игры повернулся лицом к собственным воротам и забил в них подряд три мяча. Мякиш, конечно, прозевал на этот раз все три удара.

Матч закончился со счётом 20:3 в пользу нашей команды. Под бурные аплодисменты зрителей и троекратный туш оркестра клоун вручил победителям новенький красный футбольный мяч.

Ящик под куполом застонал. Непоседа, Мякиш и Нетак ухватили мяч за шнуровку и побежали с арены.

— Скорей, скорей! — торопил Непоседа.

— А Пе-етя? — спросил Мякиш.

Конечно, покинуть цирк они не могли: под куполом в ящике висел Петя, а в ложе сидел его папа. Пришлось вернуться в зал и снова залезть под кресло первого ряда.

Теперь на манеже шла подготовка к выступлению фокусника Клеопарди. Униформисты вытаскивали на манеж длинные ящики, клетки, всякие столики, несли пилы, пики и сабли. Потом выкатили большой ковёр, и когда его развернули, то внутри оказался клоун. Он встал, отряхнулся, раскланялся публике и объявил:

— Выступает знаменитый фокусник-иллюзионист Клеопарди!

Сказал и исчез, как сквозь землю провалился. Публика зааплодировала первому чуду фокусника, и на манеж под звуки турецкого марша вышел сам Клеопарди. На нём был широкий пёстрый халат, на голове — голубая чалма с драгоценным камнем, а шёл он скрестив на груди руки и опустив глаза. Ни дать ни взять — чародей и волшебник!

За Клеопарди шла его свита. Свита состояла из лилипутов и женщин. Лилипуты несли зажжённые факелы, а женщины просто шли на носочках и улыбались.

Музыка заиграла быстрее, и чародей Клеопарди приступил к работе. Он безжалостно распиливал женщин, упакованных в длинные ящики, и вынимал их оттуда целыми и невредимыми. Глотал куриные яйца, после чего из его рукавов и карманов вылетали утки и голуби. Но ошеломил он публику аттракционом, которого никто не мог ожидать.

Клеопарди засучил по локоть рукав своего халата и начал медленно ходить по манежу, разглядывая воздух. Зрители сидели в недоумении. Наконец клоун, который на цыпочках ходил за фокусником, поднёс палец к губам и сказал:

— Ц-с-с-с! Клеопарди ловит муху!

В это мгновение фокусник взмахнул перед своим носом рукой и поднёс к уху кулак.

— Есть! — закричал клоун.

В оркестре тоненько заиграла скрипка: «З-з-з!»

Клеопарди показал клоуну кулак и спросил:

— Что будем с ней делать?

— Расстрелять! — не колеблясь приказал клоун.

Тогда фокусник взял в левую руку большой пистолет и, раскрыв кулак, выстрелил.

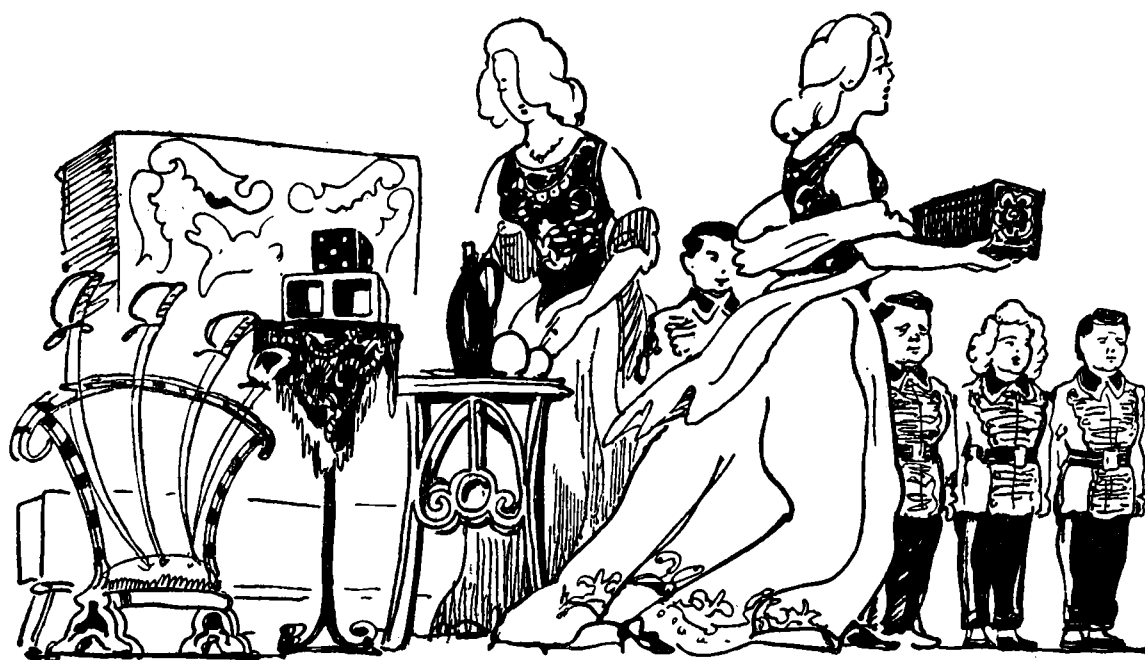
Свет в цирке погас. А когда прожекторы снова зажглись, зал задрожал от аплодисментов.

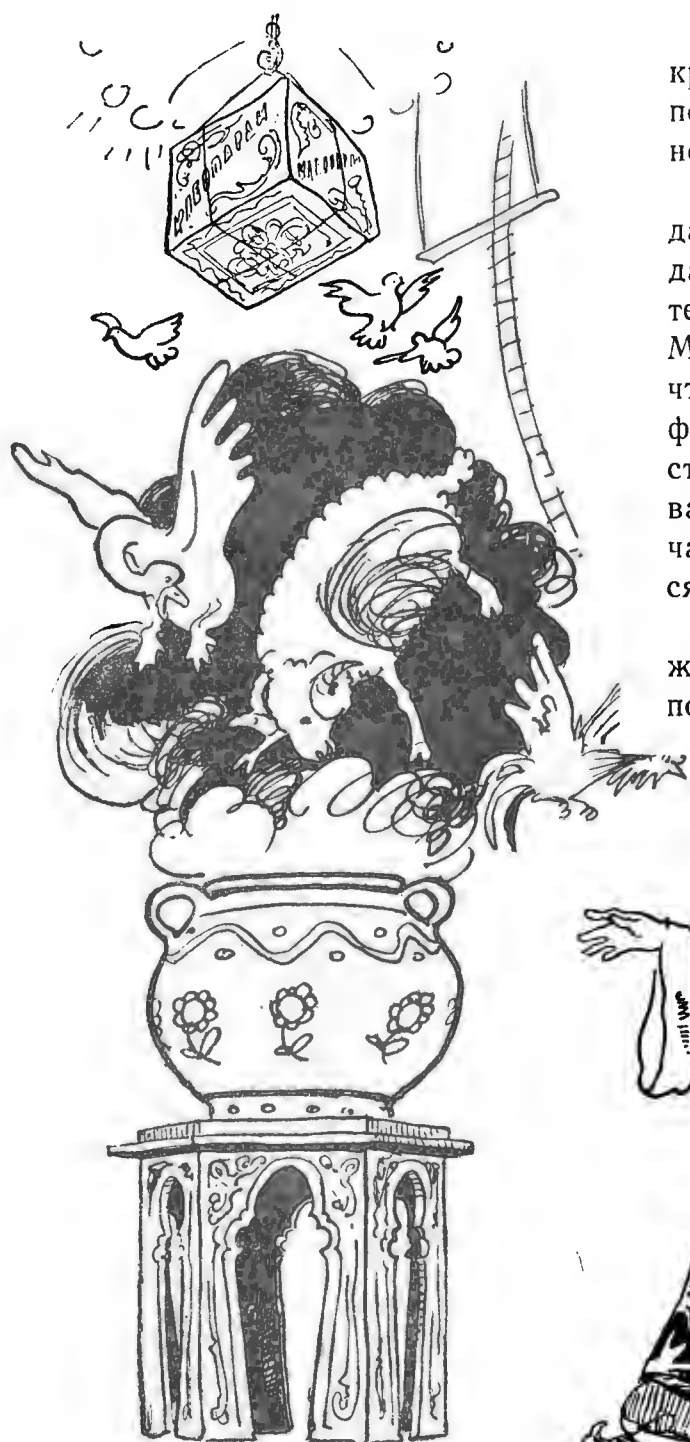
Правой рукой, в которой ещё недавно была муха, Клеопарди держал за уздечку громадного африканского слона с большими белыми бивнями.

Фокусник поклонился, а клоун объявил:

— Вот как из мухи делают слона!

Публика дружно захохотала. Лилипут увёл слона за кулисы, а на арену вынесли ящик, точь-в-точь такой, какой висел под куполом цирка, и Клеопарди с помощью ассистентов запаковал в него петуха и трёх кроликов. Затем он снова взял со столика блестящий пистолет и в упор выстрелил в ящик. Лилипуты от-

крыли его, и Клеопарди показал всем, что живность исчезла.

Зрители замерли в ожидании. Что произойдёт дальше?.. Но из всех зрителей только Непоседа, Мякиш и Нетак поняли, что сейчас произойдёт не фокус, а страшная катастрофа. Да, фокусник снова зарядил пистолет и начал целиться в ящик, висящий под куполом.

Друзья в страхе прижались друг к другу и из-под стула посмотрели в

ложу, где сидел Петин папа. Посмотрели и подпрыгнули от неожиданности. Ужас! В ложу, как шипящая ракета, влетела мама.

Не считаясь с торжественной и таинственной обстановкой, она набросилась на папу и зашипела так, что слова её были слышны всему цирку:

— Бесстыдник! Сын сбежал из дому, а ты спокойно развлекаешь себя фокусами... За мной! — приказала она, и все увидели, как папа, втянув голову в плечи и виновато оглядываясь, поплёлся за ней.

В цирке произошло замешательство, но через миг всё успокоилось, и публика снова с любопытством начала смотреть на Клеопарди.

Когда прогремел выстрел, Непоседа, Мякиш и Нетак радостно обнялись и смело посмотрели вверх. Оттуда на канате плавно спускался ящик.

Когда же Клеопарди раскрыл его, зал содрогнулся от хохота. В компании петуха и трёх кроликов сидел уже знакомый зрителям Петя и ревел, как белуга.

У Клеопарди от удивления брови поднялись так высоко, что чалма слетела с головы. Когда же он заметил, что зрители приняли это за очередное чудо, то начал быстро раскланиваться, приписывая появление Пети своему могуществу.

Но тут, расталкивая ассистентов и разбрасывая ногами ящики, на манеж вбежал красный, разъярённый директор. Он схватил ревущего Петю за руку и потащил его за кулисы. Публика и это приняла за отлично разыгранную шутку и наградила фокусника шумной овацией и возгласами «браво».

Клеопарди сиял. Такого огромного успеха он ещё не имел в своей жизни.

Петя снова исчез на глазах у своих друзей.

— Вперёд, за ним! — воскликнул Непоседа. — Больше его терять нельзя!

И недавние футболисты, ухватив мяч за шнуровку, побежали прямо через арену за Петей.

Но тут произошла новая неприятность. Смеясь, клоун подхватил мяч и дал такую «свечу», что все три футболиста полетели вверх, в круглое окно, которое было в куполе цирка. Таким образом, несмотря на одержанную победу, наша команда вылетела в трубу.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

*в которой вы подробно узнаете обо всём, что в ней написано,
и ещё кое-что о Пете*

Нельзя сказать, чтобы полёт не понравился нашим путешественникам. Они, как на воздушном шаре, поднялись вверх и очутились на крыше цирка. Жаль, полёт был коротким. Но кто знает, последний он на пути наших путешественников или нет? Не будем предугадывать события, скажем только одно: Петя снова исчез,

и искать его нужно было не на крыше, а на земле.

— Я так и знал! — проямлил Мякиш, отклеивая свои тапочки от раскалённой крыши. — Этого можно было ожидать.

Но друзья не расслышали его слов. Над ними раздался могучий рокот, а через минуту подул ураган, да такой сильный, что малыши еле удержались на крыше.

— Смотрите! — закричал Непоседа. — Смотрите, на нас падает самолёт!

— Не самолёт, а ве-ртолёт, — поправил Мякиш.

И верно, это был вертолёт. На его спине вращались большие лопасти, а на хвосте вертелся маленький пропеллер.

— Эх, и красота! — радовался Непоседа, любуясь вертолётom. — Весь из винтиков и пружинок! . .

А вертолёт плавно опускался вниз, прямо на крышу цирка. Из его дверцы свисала верёвочная лестница. Непоседа нетерпеливо закричал:

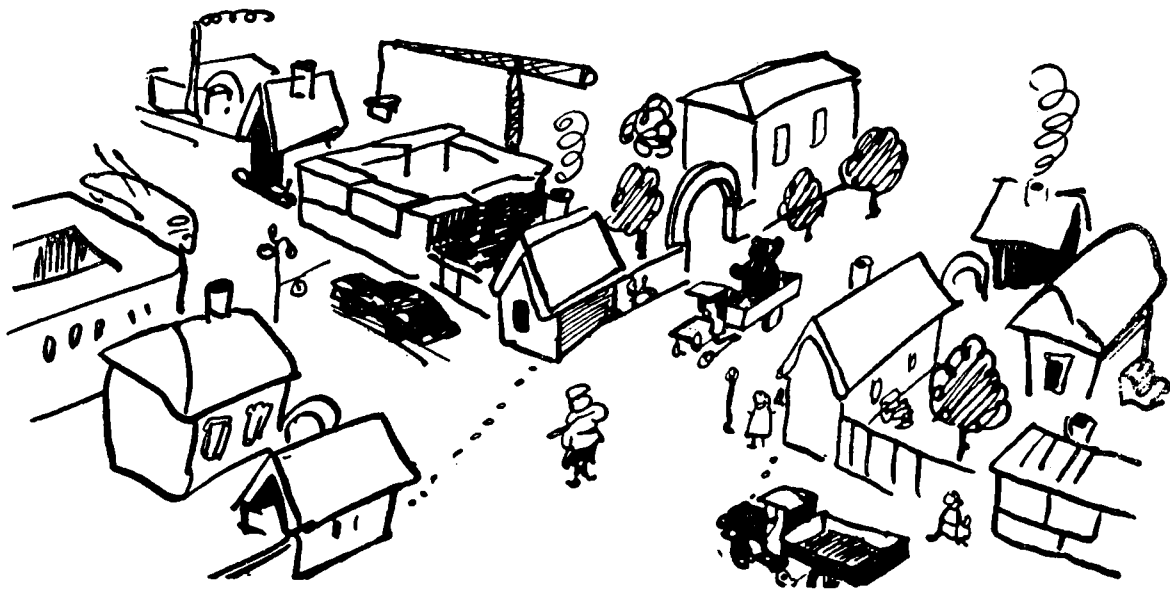
— Эй, эй, прокатимся!

— Стой, стой! — пропищал Мякиш, но было поздно.

Непоседа, держа в одной руке шнурок от мяча, другой ухватился за верёвочную лестницу и повис в воздухе.

Мякиш и Нетак ухватились за мяч, чтобы стащить Непоседу, но лестница плавно поплыла вперёд. Крыша покачнулась и ушла из-под их ног. Мякиш облепил мяч своим пластилиновым телом и прочно держался на нём, а Нетак кряхтел и выбивался из сил. Новенький мяч был скользким, и руки его напрасно искали, за что бы уцепиться. . .

Как только крыша исчезла и путешественники очутились над тротуаром, силы Нетака иссякли, руки разжались, и он. . . полетел вниз. Ровно секунду пикировал деревянный малыш, но что произошло с ним внизу, мы расскажем потом, а сейчас вернёмся

наверх и последуем за новыми пилотами — Непоседой и Мякишем.

Вертолёт плавно поднимался вверх. Солнце палило, не жалея лучей, но воздух вокруг становился всё холодней и холодней. Лопасті могучего винта вращались быстрее и быстрее, и вскоре целый ураган обрушился на Непоседу и Мякиша. Мяч мотало во все стороны, и Непоседе приходилось напрягать все силы, чтобы не упустить шнурок. Пружинки его рук и ног вытянулись до отказа и стали как бечёвочки, но Непоседа не унывал и даже сочинил на лету песенку:

Эй, могучий вертолёт,
Мчись повыше да вперёд!
Не горюй, приятель Мякиш, —
Я пилот, и ты пилот!

Но с Мякишем дело обстояло хуже. Под ветром он совсем окаменел и уже с трудом открывал глаза и рот.

— Пе-етя! — жалобно пищал он.

— Чего, чего ты скулишь? — отозвался Непоседа. — Чем, чем тебе плохо? Летишь, как на спутнике! Прокатимся немного и сверху скорее увидим Петю...

Вертолёт медленно поднимался и поворачивал к окраине города, туда, где виднелись поле и лес. А внизу глазам утомлённого Мякиша открылась чудесная картина.

Город был словно игрушечный. Даже самый большой дом, казалось, мог вместить только одного пластилинового малыша. Все дома напоминали кубики с зелёными и красными крышами. Улицы и переулки, как тропинки, вдоль и поперёк перерезали игрушечный город. Сады и скверы походили на зелёные перины и подушки... Ах, как сейчас тянуло к ним усталого Мякиша!..

Но сейчас не время думать о сне, нужно поскорее вернуться к цирку и узнать, что произошло с нашим пикировщиком Нетаком.

А случилось вот что. Не достигнув мостовой, он внезапно ударился о копну чых-то упругих волос и крепко за неё ухватился.

Копна заревела на всю улицу, и толстая рука оторвала от неё Нетак.

Гора с горой не сходится, а человек с человечком сталкиваются. Нетак был не на шутку удивлён: прямо в упор на него смотрели заплаканные Петины глаза, а его свободная рука щупала на голове шишку, вздувшуюся от неожиданной встречи.

Спасибо директору цирка, который выставил Петю за ворота как раз тогда, когда Нетак сорвался с мяча, иначе бы пути их разошлись и, быть может, навсегда...

Петя, улыбаясь сквозь слёзы, крепко сжимал в руках своего старого друга и спрашивал:

— Ты один? А где остальные?

— Там они. И мяч там... — Нетак указал на вертолёт, парящий уже за чертой города. — Надо бежать за ними!

— Пешком не пойду, давай машину! — заявил вдруг Петя.

— Какую? — не понял Нетак.

— Легковую!

— Ах, легковую! Крытую или открытую «Победу» или «ЗИЛ»?

— Всё равно, — настаивал Петя.

— Ах, вот как! — рассердился Нетак. — Тогда пойдёшь пешком!

— Не пойду!

— Пойдёшь!

— Не пойду!

— Пойдёшь!

— Не пойду!

Нетак был игрушечным упрямцем, а Петя — настоящим, живым. Так разве же мог ненастоящий переупрямить настоящего? И Нетак сдался. Он уступил ещё и потому, что увидел рядом детскую коляску — транспорт, в котором можно ехать не только сидя, но и лёжа.

— Ладно, — сказал он, — поедешь на этом. Колёса есть, подушки есть — чего тебе ещё надо?

Петя, не задумываясь, пошёл к коляске, мокрого хозяина которой унесли в дом перепеленать.

— И поеду! — сказал Петя. — Какая разница, на чём ехать?

Он был человеком не гордым и, не задумываясь, ввалился в коляску. Экипаж затрещал и присел на рессорах. Туловище толстого Пети с трудом уместилось в коляске. Ноги, конечно, не поместились и рогаткой торчали вверх, упираясь в небо расшнурованными башмаками.

— Заводи, поехали! — приказал Петя и вставил в рот бутылку с соской, которая лежала на матрасике.

Нетак затрещал, зафыркал, как мотор, упёрся руками в заднюю стенку коляски, и она покатила вниз по тротуару, разгоняя и удивляя прохожих.

Коляска то и дело натывалась на стены домов и на людей.

— Эй, повнимательней! Эй, поосторожней! — кричал из коляски Петя, предупреждая пешеходов.

Вскоре за ними хвостом бежала детвора.

— Смотрите, лилипут Гулливера везёт! Лилипут Гулливера везёт! — кричали они.

А на другой улице ребята, которые узнали Петю, сочинили специальную дразнилку и хором распевали её:

Что за тюк лежит в карете
И бутылочку сосёт?
В той карете едет Петя,
Толстый Петя-бегемот!..

Но Петю несколько не тревожили дразнилки и возмущённые возгласы прохожих. Ему было удобно, он дремал и, чмокая толстыми губами, потягивал сладкое молочко.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

„Спасайте Петю!..“

Не думаете ли вы, случайно, что дома забыли о Пете? Конечно, не забыли.

После побега в квартире Маминых-Папиных было объявлено

что-то вроде военного положения. Установлена связь со всеми городскими отделениями милиции, и оттуда во все концы города посланы разведчики. Поминутно звонил телефон — бабушка принимала сообщения о ходе поисков.

В этой работе не принимал участия только дедушка. Он с утра ушёл с псом Сарделем на поиски недостающей тонны металлолома.

Тут надо напомнить, что дедушка в прошлом был неплохим охотником. Он сумел натаскать Сарделя на ржавое железо так, как иных охотничьих псов натаскивают на уток или зайцев.

Теперь, учуяв в каком-нибудь дворе запах металлолома,

Сардель делал охотничью стойку и тянул дедушку в подворотню.

Так вот, в разгар событий дедушка позвонил по телефону-автомату домой и радостно сообщил, что в шести кварталах от дома он нашёл...

Бабушка, не дослушав, выронила трубку и, присев на стул, радостно сообщила:

— Он нашёл!..

Трубку схватила мама:

— Кто нашёл? Что нашёл?

— Нашёл колесо, — слышалось в трубке.

— Какое колесо?

— От трактора! — ликовал дедушкин голос. — Три пуда железа! Сорок восемь килограммов.

— Никаких колёс! — крикнула в трубку мама и, разъяснив положение, велела дедушке немедленно заняться розыском Пети.

Повесив трубку, мама продолжала давать новые указания:

— Позвоните в бюро потерь и находок и сообщите Петины внешние приметы!.. Мальчик умный, ласковый, похож на меня, лицом немного на папу, больше всего любит меня и всё сладкое... Дуся, готовьте продукты на дорогу!..

В углу на стуле сидел бледный папа. Он совсем был не против того, чтобы Петя поехал в лагерь, но сказать об этом никак не решался.

— Только ты, только ты во всём виноват! — без конца повторяла мама. — А теперь, когда неизвестно, где погибает наш сын, ты сидишь сложа руки!

Но папа как раз не сидел сложа руки. Он поминутно разводил ими, не зная, что предпринять, что ответить маме. И, хотя он уже отлично знал, куда бежал Петя, повторял один и тот же вопрос:

— А куда, куда мог убежать Петенька?..

— Видать, в лагерь, куда же ещё! — сказала Дуся.

— В лагерь? Вы так думаете? — переспрашивал папа, но ничего не предпринимал.

— Ты должен ехать за ним и перехватить его по дороге!

— Да-да, конечно, — отвечал папа и снова разводил руками.

— Что будет, что будет! — ломала руки мама. — По улицам бегают уличные мальчишки, за городом начинается лес, в нём кишат дикие звери, а возле лагеря глубокая река!.. Ты должен бросить всё и немедленно отправляться!

— Так точно! — по-солдатски ответил папа и надел соломенную шляпу.

— Ну-с! — сказала мама, и только после этого папа встал со стула и медленно направился к двери. — Стой, а поешь чего-нибудь?

— Да, я не прочь перехватить, — смущённо сказал папа, проглотив слюну.

— Не о тебе речь! Возьми продукты для ребёнка, он там, наверное, совсем отощал, умирает с голоду, бедный мой сынок!..

Мама подала папе приготовленный Дусей рюкзак с пирогами. Затем взяла со стола несколько копчёных рыбин и, завернув их в бумагу, сунула в карман папиного плаща:

— Это тебе.

Папа вышел в коридор, легко вздохнул и, когда дверь за ним захлопнулась, побежал вниз, прыгая через одну ступеньку. Когда он уже выбегал на улицу, дверь снова отворилась, и по парадному грому прокатился мамин голос:

— Без Петеньки не смей возвращаться!

Но папа уже не слышал наказа. Машина, в которую он вскочил, зафырчала и с ходу набрала большую скорость.

Итак, в эту минуту Непоседа и Мякиш летели на вертолёте, Нетак вёз Петю в коляске, а папа мчался в открытом «газике».

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

„Верни соску!“ Третий благородный поступок

Коляска с Петей катила всё дальше и дальше. Мимо мелькали дома, новые кварталы, и наконец началась окраина города. Упрямый Нетак толкал бы её и дальше, если бы вдруг сзади не послышался тяжёлый топот и громкое: «Уа-уа-уа!»

Петя открыл глаза, Нетак обернулся.

— Стойте! Верните коляску! Безобразие! — кричал мужчина в роговых очках. Одной рукой он пытался схватить коляску, а другой прижимал к груди орущего младенца.

Наконец папаша задержал экипаж и, тяжело отдуваясь, приказал:

— Вываливайся, лодырь! Говори, зачем утащил коляску?

— Это не я, — спокойно сказал Петя, не выпуская изо рта соски. — Это он!

Но близорукий папаша не видел Нетака и продолжал отчитывать Петю:

— Все вы друг на друга сваливаете, знаю я вас, у меня у самого мальчишка... — При этих словах он покачал в левой руке конверт с младенцем.

Петя нехотя вылез из коляски и, пощупав рубаху на спине, сказал:

— Подумаешь, очень нужна мне ваша мокрая коляска!

— И бутылку с соской верни! — сказала какая-то женщина, вырывая у Пети изо рта соску.

— Нахал! — возмущался папаша.

Кто не был занят этим событием, тот мог заметить, как на противоположной стороне улицы из подворотни выбежал бодрый старичок, катя перед собой, как мальчишка обруч, тяжёлое заржавленное тракторное колесо. Улица наполнилась железным грохотом и лаем.

Это был Петин дедушка. Он возвращался с удачной охоты. Пёс Сардель прыгал впереди и оглашал воздух победным лаем.

Дедушка свернул было по тротуару налево, в сторону дома, как вдруг Сардель учуял знакомый запах. Он сделал стойку и, заскулив, побежал через дорогу. Дальнозоркие глаза дедушки моментально разглядели в толпе Петю. Дедушка вспомнил внушительное распоряжение мамы: «Разыскать!» — и решительно покати колесо через дорогу.

Из толпы, которая окружала Петю, выделилось четверо ребят: два мальчика и две девочки. Они стали на бровке тротуара и с распростёртыми объятиями радостно встречали дедушку.

— Позвольте, мне некогда! — сказал дедушка, подымая колесо с мостовой на тротуар.

Но рыжий веснушчатый мальчуган — видимо, предводитель четвёрки — восторженно закричал:

— А мы вас искали!

— Я тоже очень рад, — беспомощно залепетал дедушка, — но, к сожалению, понимаете ли, тороплюсь... у меня... там... Петя... — И, поскольку руки его были заняты, он бородой показал в сторону толпы.

Но четвёрка загородила дорогу и встала перед ним, как железная стена.

— Понимаете, мы с сегодняшнего дня совершаем благородные поступки! — затараторила худая девочка с чернильной полосой под носом.

— И не меньше, чем по три в день! — выпалила другая, у которой почему-то было полторы косы: одна подлиннее, другая покороче.

— Это чудесно, — дрожащим голосом сказал дедушка и попытался пробить стену.

— Два поступка мы уже совершили, — сказал рыжий мальчик, — а сейчас должны совершить третий!

— Пустите, я тороплюсь! — запротестовал дедушка. — Что вы хотите со мной делать?

— Мы хотим вам помочь перейти на ту сторону... Это очень благородно! — закричали все сразу и, ухватив брыкающегося дедушку за руки, потащили через мостовую на другую сторону улицы, туда, откуда он только что прибежал.

Когда дедушка был благородно дотянут и дотолкан до другой стороны, Петя уже выбрался из толпы и спешил за Нетаким, который тащил его за шнурок ботинка вперёд.

— Скорей! Скорей! — торопил деревянный упрямец. — Наверное, отсюда недалеко пионерский лагерь.

При слове «лагерь» Петя почувствовал зуд в пятках и побежал что было сил в открытое поле. Нетак уцепился за Петины брюки и взобрался по ним прямо на плечо.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ,
в которой наконец-то состоится встреча всех героев

Вертолёт уже полчаса парил в воздухе и, покружив над распаханным полем, начал сбавлять высоту. Теперь его бесплатным пассажирам — Непоседе и Мякишу — отлично видно было всё, что творится внизу.

Острый глаз Непоседы различал даже следы автомашин на дороге. Мякиш, приклеенный к мячу, безмятежно дремал и очнулся только тогда, когда над ним раздался крик Непоседы:

— Вижу, вижу! Я вижу Петю!

Не успел Мякиш продрать глаза, как почувствовал, что летит стремительно вниз. Но летел не только он. Летел мяч, летел Мякиш и летел Непоседа.

Счастье игрушечных мальчиков, что в момент приземления оба они очутились на мяче сверху. Мяч грохнулся оземь перед самым Петиним носом и снова полетел вверх. Когда он вторично грохнулся на землю, Петя схватил его и радостно закричал:

— Мяч, мяч! Мой мяч!

Но Нетаку было не до мяча: он видел, как разлетелись его друзья и исчезли где-то в кустарнике. Долго рыскал он по полю, пока не наткнулся на стонущего Непоседу. Перед Нетаким в небольшой ямке лежал короткий металлический чурбанчик и беспомощно вертел головой.

— Что это? — воскликнул Нетак. — Где твои руки и ноги?

Непоседа ничего не ответил, только глухо застонал.

Конечно, этого могло бы не случиться, если бы Непоседа подождал, пока вертолёт опустится ниже. Но ему, как всегда, не терпелось. Вперёд, вперёд! Лишь бы скорее... На большой высоте он разжал пальцы, выпустил верёвочную лестницу и... теперь наказан. Как раз тут и сказало отсутствие одного винтика — винтика, который должен был внутри скреплять руки и ноги металлического мальчика.

— Я погиб! — тихо сказал Непоседа. — Кто теперь сможет найти мои пружинки, мои руки и ноги? ..

У Нетака от жалости закрипело деревянное сердце, он хотел успокоить несчастного друга, но рядом послышался стон. Это появился Мякиш. Узнать его было невозможно: измятый, вываленный в земле, он теперь напоминал три сросшиеся картошки. Он не ходил, а полз, непрерывно охая, а в руках его — о радость! — были недостающие части Непоседы. Все четыре пружинки: две с ладошками и две с башмачками. Верный друг, несмотря на тяжёлые ушибы от падения, собрал руки и ноги распавшегося товарища и притащил сюда. Притащил и упал. Нетак на радостях расцеловал Мякиша и побежал за Петей:

— Петя, Петя, скорей сюда!

Но Петя был занят мячом. Он был счастлив.

— Мой мяч! Мой, мой, мой! — повторял он и гладил его лоснящиеся бока.

Несчастный Непоседа сквозь слёзы смотрел на Петю, и доброе сердце игрушечного мальчика радовалось.

— Это твой мяч, Петенька, мы дарим его тебе, — ласково сказал он. — Поиграй, поиграй!

Мякиш и Нетак молча кивнули головами в знак согласия.

Но Петя после всего пережитого не стал играть в футбол. Он почувствовал сильную усталость, плечи его опустились, веки начали слипаться, и, зевая, он опустился на землю. Послышался богатырский храп. Раскинув руки, Петя лежал прямо на сырой матушке земле под открытым небом и крепко спал.

Да, если бы сейчас мама увидела, как грубо нарушает её сын постельный режим, хотя и был он теперь по-настоящему жёстким, она сразу уложила бы сыночка на десять подушек и под шесть одеял.

Петя спал без снов, грудь его легко вздымалась, и белые щёки постепенно заливались широким помидорным румянцем.

Мякиш тихонечко взобрался на мягкий Петин живот и, зевнув, тоже прикорнул.

Нетак с досадой махнул рукой и решил сам взяться за починку

Непоседы. На лбу его выступили капельки древесной смолы, язык от усердия высунулся, а сам он приговаривал:

— Так, так!.. Ногу — сюда, руку — туда, эту ногу — туда, эту руку — сюда... Всё!

Непоседа встал и зашатался.

— Ой, что ты наделал? — воскликнул он, размахивая ботинками вокруг головы. — Это же ноги, а где мои руки?

— Там, где ноги, — сказал Нетак. — Так лучше!

— Я не могу ходить на руках, не могу! — закричал Непоседа и со звоном шлёпнулся на землю.

— Ну тогда ходи на ногах, — милостиво разрешил Нетак.

— А как же голова?

— Давай и голову переставлю. Мне это пара пустяков.

— Не хочу, не хочу! Ты меня всего перепутал! — зазвенел Непоседа и пошёл колесом — с рук на ноги, а с ног на руки.

Вот что получается, когда за дело берутся такие мастера, как Нетак.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

О том, как был отремонтирован Непоседа, и о новых препятствиях на пути

Пружинки Непоседы хоть и были перепутаны, а всё же сидеть на месте не давали. Он стал прежним беспокойным мальчиком, кувыркался и прыгал. Потом вскочил Пете на грудь и закричал:

— Вставайте, вставайте!

Первым проснулся Мякиш. Он открыл глаза и зевнул.

— Всё-ё ясно, узна-аю работу Не-етака! — сказал он и шлёпнул Петю по носу: — Вставай, дело есть!

Петя открыл глаза. У Непоседы был такой смешной вид, что сон как рукой сняло.

— До чего же ты смешной! — засмеялся Петя.

— Ни-ичего смешного нет, — сказал Мякиш. — С человеком беда стряслась.

— Да, что-то надо придумать. . .

Петя сел и почесал затылок. Лепить ему, как мы знаем, однажды случилось, а вот мастерить что-нибудь из дерева или из металла — ещё никогда. Не спеша он принялся за работу. Разобрал Непоседу на части и разложил их на земле.

— Ноги должны быть внизу, — тихо напомнил Мякиш.

— Нет наверху! — настаивал Нетак.

— Не мешайте! — отмахнулся Петя. — У самого голова есть! — И принялся за работу. — Так, значит, правая — с правой стороны, левая — с левой. . . Руки то-оже так. . . Бум-бурубум, бум-бурубум! — напевал он. — Порядочек!

— А у те-бя неплохие руки, — сказал Мякиш. — Только к тебе самому ещё нужно как следует руки приложить.

— Ещё бы — неплохие! Не зря же мой папа конструктор! — хвалился Петя.

Восстановленный Непоседа подпрыгнул и продекламировал:

Ну-ка, братцы, в путь пора!
Мастерам — ура, ура!

И компания в полном сборе тронулась в путь. Над тропинкой лихо зазвенела песенка Непоседы:

Ничто меня на свете
Не сумеет утратить,
Если может даже Петя,
Мамин Петя, Папин Петя,
Непоседу починить!

Вскоре вся компания очутилась на берегу реки, по ту сторону которой был лес, а в лесу — пионерский лагерь.

— Я чувствовал, что здесь моста не будет, — проямлил Мякиш, заглядывая с крутого берега в воду.

Но мост, к счастью, не понадобился — у песчаного бережка стояла лодка, а рядом с ней сидел старичок рыболов и удил рыбу.

Прячась за кустами, все четверо подошли поближе к рыбаку. Старичок следил сразу за тремя поплавками и мурлыкал себе под нос песенку:

Только удочку закину —
Клюнет старая корзина,
А другой разок заброшу —
Клюнет бывшая калоша.
Разбежались караси,
Не клюют — и не проси!
Не поймаешь нипочём,
Не заманишь калачом...

Петя решительно направился к рыболову. Не успел он выйти из-за кустов, как вдруг позади послышался рокот мотора, и у берега, круто притормозив, остановился открытый «газик». Из машины не вышел, а выпрыгнул Петин папа. Он бросил в машину плащ и рюкзак и подбежал к рыбаку.

Этого беглецы никак не могли ожидать. Ни сам Петя, ни игрушечные мальчики даже не подумали о том, что их будут преследовать.

— Это за мной, — тихо сказал Петя и вздохнул.

Но папа, казалось, и не думал о нём. Он ходил вокруг рыбака, потирал руки и завистливо поглядывал на его удочки.

Мы забыли вам сказать, что товарищ Мамин, то есть Петин папа, был не только болельщиком футбола, но ещё и страстным рыболовом. Поэтому-то машина и остановилась у реки. Папа не знал, что по дороге ему встретится река, и не захватил с собой удочек. Но у старика рыболова было их три, и папа надеялся, что одну из них ему удастся выпросить.

Походив ещё минуту вокруг рыбака, папа дрожащим от нетерпения голосом завёл обычный рыбацкий разговор.

— К-клюёт? — заикаясь, спросил он.

— Клевало... в прошлом году, — ответил старик, не отрывая глаз от поплавков.

— На червячка или на горох ловите? — продолжал папа.

— И на то и на другое не берёт, — буркнул в усы рыболов.

— А поплевали?

— С утра только этим и занимаюсь... Вот весь улов. — И, не оборачиваясь, рыболов показал рукой на старую, изодранную калошу и дырявую корзину, валявшиеся рядом.

— А на кулебяку пробовали? — осенило папу, и он вытащил из машины рюкзак с пирогами, приготовленными для Пети.

Петя зашевелился в кустах.

— Уй, мои пироги! — сказал он вслух и почувствовал страшный голод.

А папа уже бегал с рюкзаком вокруг рыбака и, расхваливая пироги, приговаривал:

— Покрошить, покрошить надо! Чудесная приманка, на неё не то что плотичка — золотая рыбка пойдёт!..

— Тс-с-с! — прошипел рыбак и поднялся. — Вы мне всю рыбу распугали!

— Ах, нервы! — сказал папа. — Нервы, знаете ли, разгулялись. Сам профессор Щукин прописал мне рыбную ловлю для успокоения нервов... Профессора Щукина знаете?

— Как не знать! — ответил рыбак. — Мы с ним тут вчера весь день лечились, все нервы истрепали.

— Эх, удочку бы мне! — жалобно протянул папа. — Хотя бы одну...

— Берите любую, — сказал рыбак. — Всё равно ловли никакой. Пойду-ка я пониже — может, там повезёт...

— Повезёт, непременно повезёт! — обрадовался папа и, сбросив пиджак и шляпу прямо на землю, вперил глаза в поплавок.

Старичок рыболов свернул две удочки и, лукаво посмотрев на папу, замурлыкал свою песенку:

Только удочку заброшу —
Клюнет старая калоша,
А другой разок закину —
Клюнет бывшая корзина...

Спел и ушёл вдоль реки, вниз по течению.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Косяк золотых лещей. Папа объявляет бунт...

— Вот это номер! — сказал Непоседа. — Что теперь будем делать? Если попадёмся ему на глаза — всё провалится.

— Теперь ему не до нас, — сказал Петя. — Он не уйдёт отсюда, пока не выудит хоть одну рыбёшку. Уж я-то его знаю.

— Так ведь здесь ничего не ловится, рыбы нет, — сказал Непоседа.

— А это что? — пропищал вдруг Мякиш.

— Где?

И Мякиш показал на рыбы хвосты, торчавшие из кармана папиного плаща.

Непоседа аж запрыгал от чудесной догадки.

— У меня идея, — сказал он и пополз по-пластунски к машине.

Папа сидел на берегу, жевал Петины пироги и бросал остатки в воду. Этим он только пугал лягушек, которые прыгали с кувшинок и зря качали поплавок. Солнце желтком разлилось на папиной лысине, согрело её, а рыба всё не клевала. Наконец папа начал сам клевать носом, и над рекой поплыл нежный с пересвистами храп.

Непоседа вернулся, с трудом волоча пакет с копчёными лещами.

— Вон сколько! — вздохнул он, утирая пот. — И все золотые! Такой будет улов!..

Но никто не догадывался, что собирается делать с лещами Непоседа.

— Тебе придётся мне помочь, — сказал он Нетаку, а затем что-то долго шептал ему на ухо.

— Самый правильный способ! — ответил Нетак и, взяв одну рыбку, поспешил к воде.

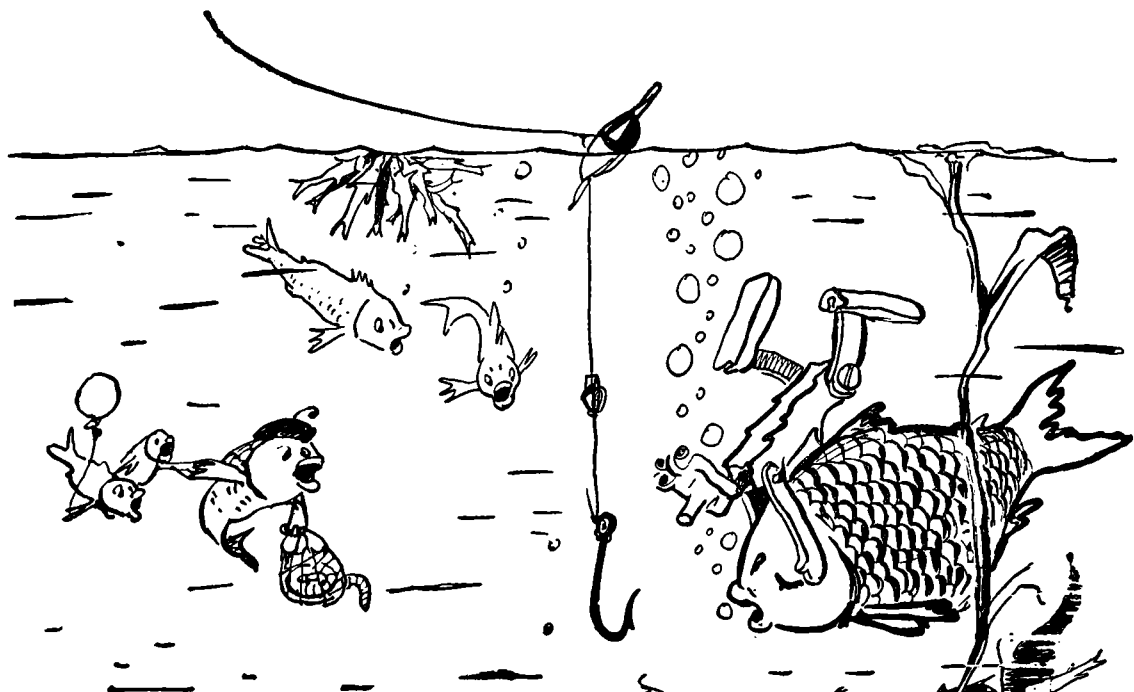
Деревянный Нетак воды не боялся, утонуть он не мог, а с тяжёлым копчёным лещом ему и нырять было нетрудно.

«Буль-буль-буль!» — запела вода и поглотила ныряльщика.

Ровно через секунду поплавок папиной удочки вздрогнул, заёрзал — и нырнул. Леска натянулась, как струна, удилище согнулось и легло плашмя на воду. Папа проснулся, вскочил, влез в ботинках в воду и, схватив двумя руками удилище, вытащил его из воды. Бамбук свистнул в воздухе, леса выдернулась, и над рекой заблестел золотой лещ.

— Тю-тю-тю! — запел папа и, не разглядывая добычи, снова наживил крючок куском пирога.

Папа дрожал, как в лихорадке. Забросив удочку, он начал нетерпеливо переступать с ноги на ногу, приговаривая:

— Нервы... ах, нервы!..

«Буль!» — сказал поплавок и снова утонул.

Папа вскрикнули и выдернул нового леща.

— Э, да тут их целый косяк!

Он вытащил подряд пять лещей. Потом косяк, видимо, кончился, и клёв прекратился. Только теперь папа рассмотрел свою добычу. Он встал как вкопанный, и глаза его полезли на лоб.

— Что это значит?—

Папа побледнел и выронил из рук удочку. — Копчёные лещи в реке... Да это же чудо!.. Все рыбаки просто лопнут от зависти!.. Нет-нет, это, наверное, нервы!.. Ско-рей к профессору Лешукину... то есть Щуликину... то есть Щукину...

Папа направился к машине, но вдруг рядом раздался хохот. Это смеялся Петя, выглядывая из кустов.

— Петя, ты?! — спросил папа, и подбородок его задрожал. — Что ты здесь делаешь?

— Иду в пионерский лагерь.

— Какой лагерь? — переспросил папа. — Ах, лагерь!.. Сейчас же домой!

— Не пойду! — сказал Петя.

— Не пойдёшь? — И папа вдруг радостно выкатил глаза. — А ты, пожалуй, прав! Скажу больше — молодец! — И тут он принял грозную позу и начал ораторствовать: — Ты должен быть в лагере — так хочу я, твой отец!.. И пусть мама мне не указывает! Моя фамилия Мамин, но я вовсе не мамин, а — свой! Я сам свой собственный папа, то есть папа своего сына! Я — старший в доме, я — глава семьи... А если мама по фамилии Папина, то она вовсе ещё и не папа, а моя мама, то есть моя жена!.. Довольно я с ней намамился... то есть намаялся... Теперь всё пойдёт по-другому, да!..

Петя стоял разинув рот и дивился папиной храбрости. «Ну и достанется ему от мамы!» — подумал он.

Но папа, видимо, окончательно взбунтовался против мамы. Он бегал по берегу, разбрасывая ногами комки глины и спотыкаясь о коряги. Он так увлёкся своим ораторством, что не заметил, как в ботинках вошёл в воду и изрядно подмочил брюки.

— Ты поедешь в лагерь! — громогласно заявил он, выпрыгивая из воды. — Я сам отвезу тебя... — И он протянул руку с лещами в сторону машины.

Лещи сверкнули на солнце золотыми боками. Папа посмотрел на них и запнулся.

— Подожди меня здесь, никуда не ходи! — сказал он. — Я сейчас вернусь, только отвезу рыбу домой, пока она не протух-

ла... Давай, — крикнул он водителю, — разворачивайся! — и, схватив с земли пиджак, на ходу впрыгнул в машину.

«Газик» исчез в клубах дорожной пыли, а на берегу, у самой воды, осталась папина соломенная шляпа.

Да, если бы отцовская голова в эти минуты не была забита лещами, он бы заметил, как изменился его сын. Петя стоял на берегу реки с распахнутым воротом, на ветру лихо развевался его чуб, а в глазах сверкали живые, задорные огоньки. Полнота его поубавилась, щёки обветрились, и только в уголках губ сидели ещё остатки капризита.

Ну что ж, папа ещё не раз полюбуется своим сыном, но сейчас цель похода была близка, все путешественники в сборе, и не было причин, которые снова смогли бы их разлучить.

А лодка стояла у берега, покачиваясь на волнах, и ждала пассажиров.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

*О том, как могут пригодиться соломенная шляпа
и футбольный мяч*

— А теперь все в лодку! — скомандовал Петя и, оставив на берегу мяч, тяжело плюхнулся в старую рыбацкую плоскодонку.

Вода под лодкой закипела и подобралась к самым бортам. Петя сел на вёсла, но вдруг вскочил и крикнул:

— Кидай мяч!

Нетак бросил мяч.

Петя неуклюже схватил его, потерял равновесие и шлёпнулся на дно плоскодонки. Лодка закачалась, зачерпнула воды и отошла от берега.

— Стой, стой, куда ты! — закричал Непоседа. — А мы?

Петя ухватился за вёсла и стал беспомощно болтать ими. Течение подхватило лодку и понесло её к середине реки.

— Загребай правым! — кричали ему с берега.

Но Петя совсем растерялся, и лодка на глазах друзей уплывала всё дальше и дальше...

Мальчики метались по берегу, не зная, что предпринять.

— Я как будто чувствовал, что так будет, — сказал Мякиш, шлёпаясь на песок.

Казалось, путешествию конец, развязка близка, но коварная река подстроила им новую неприятность.

— Разве это моряк! — возмутился Нетак (сам-то он хорошо держался на воде и считал себя прирождённым мореходом). — Не моряк, а шляпа! — повторил он.

— Шля-апа? — переспросил Мякиш. — Шляпа здесь!

И верно, на берегу валялась папина соломенная шляпа.

— Да ведь это настоящий корабль! — обрадовался Нетак и столкнул соломенную шхуну в воду.

Шляпа закачалась на волнах, и всем троим путешественникам стало ясно, что лучшего корабля для них, сколько ни думай, и не придумать.

— Держи её! — закричал Непоседа и быстро начал ломать ветки для вёсел.

— Те-е-перь всё де-ело в шляпе! — многозначительно произнёс Мякиш и полез в неё.

Затем вскочил Непоседа с двумя щепками-вёслами, и последним, оттолкнувшись от берега, взобрался Нетак.

Шляпа по самые поля ушла в воду и перестала качаться. Непоседа вёслами ловко проткнул поля и начал грести. Грёб он, прямо скажем, здорово, умело, а его руки-пружинки, как всегда, не знали усталости.

— Полный вперёд! — чувствуя себя капитаном, скомандовал Нетак. — Курс норд-ост — на лодку с Петей!

А с Петей дело обстояло намного хуже. Течение несло и вертело лодку, как щепку. Вдобавок ко всему в днище оказались щели, и вода уже целиком заливала Петины ботинки.

Только опытному и сильному гребцу удалось бы спасти себя из такого отчаянного положения. И Пете снова пришлось взяться за вёсла.

Беда — лучший учитель. На нежной коже Петиных ладоней через минуту появились водяные пузыри, но зато вёсла постепенно начали его слушаться. Напрягая последние силы, он вывел лодку

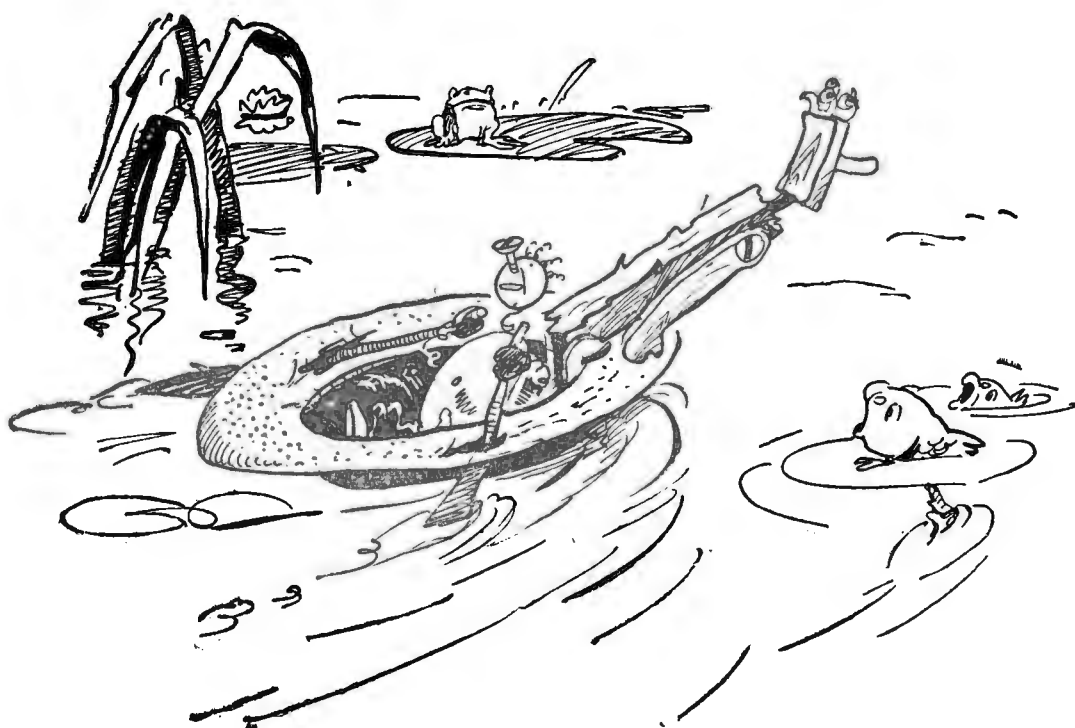
из середины течения и начал приближаться к берегу. А вода в лодке всё прибывала и прибывала, она уже доставала до сиденья и по колени заливала Петины ноги... Он обернулся, чтобы посмотреть, далеко ли берег, и круто затопил весло. Лодка накренилась, и в неё хлынула вода.

«Всё! — с ужасом решил Петя. — Я погиб!»

— Мама! — закричал он и встал во весь рост.

Лодка медленно шла ко дну. Петя, конечно, держаться на воде не умел. До сих пор он плавал только в ванне, да и то для безопасности мама надевала на него резиновый спасательный круг. Но здесь ни мамы, ни круга не было.

Петино сердце защемило от горькой тоски. Ему стало жаль себя, маму, папу, бабушку, дедушку, Дусю и Сарделя... Как они будут умирать, если он погибнет!.. Спасения ожидать не откуда — река и берег были пустыни.

Петя медленно погружался в воду. И вдруг рука его коснулась чего-то тугого, круглого. Это был футбольный мяч. «Я спасён!» — подумал Петя и крепко обхватил мяч руками. До берега оставалось метра четыре.

Петя решительно лёг на воду и, колотя по воде ногами, поплыл к берегу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Моряк Нетак. Дорога в лагерь

Мы могли бы сейчас поплыть, а потом пойти прямо за Петей и узнать, благополучно ли он достиг цели. Но это было бы нечестно с нашей стороны, не по-товарищески. Ведь на середине реки мы оставили трёх путешественников, которым тоже во что бы то ни стало необходимо попасть в пионерский лагерь.

«Ну и что же! — скажете вы. — У трёх моряков отличный корабль, о них нечего беспокоиться».

И я так думал, пока не убедился в обратном. Наконец, что это была бы за история, если бы в ней не было новых и новых приключений!

Всё дело в том, что шляпа всегда остаётся шляпой. И если вы вспомните, что она сплетена всего-навсего из соломы, то поймёте, какая опасность угрожала нашим путешественникам.

Только трюм корабля заполнился командой, в числе которой были металлический и пластилиновый матросы, судно по самые поля погрузилось в воду. В сотни дыр соломенного днища начала просачиваться коварная вода.

Ещё не достигли они середины реки, как развалившийся на дне шляпы Мякиш завопил:

— Тону!

Нетак посмотрел вниз.

— Аврал! — закричал он. — В трюме вода! Всем прыгать в воду!

Хорошо ему, деревянному, прыгать в воду, а каково железному Непоседе и пластилиновому Мякишу? Прыгни они в воду — тут бы им и конец, и поминай как звали.

И вдруг произошло чудо. Впрочем, вы уже привыкли к чудесам, и оно покажется вам очень обыкновенным. Мякиш начал расползаться, как блин, по соломенному дну, преграждая путь воде.

Вот вам и Мякиш! Все считали его увальнем и лентяем, не надеялись на него ни в чём, а на поверку оказалось, что жила в нём добрая и смелая душа, готовая ради друзей на любые жертвы...

Течь прекратилась. Непоседа снова взялся за вёсла, но вода хлынула через боковые щели и на этот раз поверх Мякиша.

— Буль-буль-буль! — сказал он и скрылся под водой.

— Тонем! Тонем! — завопил Непоседа.

— Как бы не так! — буркнул Нетак. — Эх, была не была!.. — С этими словами он прыгнул в воду. Прыгнул и исчез.

Через секунду в днище что-то ударило, и шляпа приподнялась, а ещё через миг она медленно поплыла к берегу.

Нужно ли доказывать, что поступок Нетак был смелым? Поднырнув под шляпу, он приподнял её своей спиной и под водой начал грести к берегу.

Корабль плыл всё быстрее и быстрее. Наконец судно остановилось — шляпа села на мель.

— Мы спасены! Земля! — закричал Непоседа и выпрыгнул на берег.

Отдуваясь, выбрался из-под шляпы Нетак. Вода стекала с него ручьями, а деревянное тело его стало тёмным. Последним из шляпы вывалился Мякиш. Самому стянуть свои расплзшиеся бока ему не удалось.

— Ну-ка, братцы, прижмите-ка мне бока! — попросил он товарищей.

Непоседа и Нетак взяли разгон и с двух сторон налетели на Мякиша. «Фляк!» — сказали его бока, и блин превратился в прямоугольник. Хотя и не совсем, но всё-таки он снова стал похож на себя и мог двигаться дальше.

Теперь оставалось только одно — разыскать Петю. И все трое побежали вдоль берега.

Вскоре они стояли у самой воды и, печальные, смотрели на размокшие, расшнурованные Петины ботинки.

— Он утонул! Он погиб! — плакал Непоседа. — От него остались одни ботинки! . .

Но Мякиш, который никогда и ничему не верил, показал вдруг на следы, ведущие к лесу. Сомнений быть не могло: такие глубокие следы могли оставлять только ноги, на которых держится увесистое тело.

На всякий случай они притащили один Петин ботинок и с научной точностью сравнили его со следом. Размеры совпали.

Ух, с какой радостью бежали они в лес, вперёд, по следам своего друга Пети!

Посмотрели бы вы теперь на наших путешественников! Нет,

вы не сразу узнали бы их. Это были уже не прежние самодельные игрушечные мальчики.

Деревянный упрямец Нетак, побывав под водой, промок до самой сердцевины и стал значительно мягче. И, хоть характер его по-прежнему оставался твёрдым, зря он теперь упрямитесь не стал бы.

Пластилиновый Мякиш тоже побывал в переделке. И огнём его

жгло, и ветрами обдувало, так что теперь ему не страшны были ни жара, ни холод. Да и лени в нём значительно поубавилось.

Другим стал и Непоседа. Ему не только приходилось бегать — за вёслами его рукам досталось немало работы. От этого пружинки вытянулись, и стал он выше, крепче и как-то спокойнее.

Да, время и трудная дорога сильно изменили игрушечных мальчиков. Впрочем, так в жизни бывает и с настоящими, живыми мальчиками.

Непоседа, Мякиш и Нетак бежали вперёд, а вслед за ними над тропинкой летела знакомая песенка:

Мы дорог прошли немало,
С нами всякое бывало,
Чудесами полон свет,
Хочешь — верь, а хочешь — нет!..

«Хочешь — верь, а хочешь — нет!» — звенело над берегом, а где-то в глубине леса, как большая медная птица, заливался пионерский горн.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ,
без которой эта история не имела бы конца

Теперь нашим путешественникам легче было сговориться. Никто зря не упрямился, не бежал вперёд как угорелый и не отставал. Поэтому шли они напрямик к цели, не отвлекаясь по пустякам.

— Смотрите, что это такое? — остановился вдруг Непоседа. — Неужели я вижу самолёт наших ребят?

И действительно, посреди опушки на траве стояла настоящая модель пассажирского самолёта с бензиновым моторчиком.

Мальчики побежали к самолёту, одиноко стоявшему на опушке.

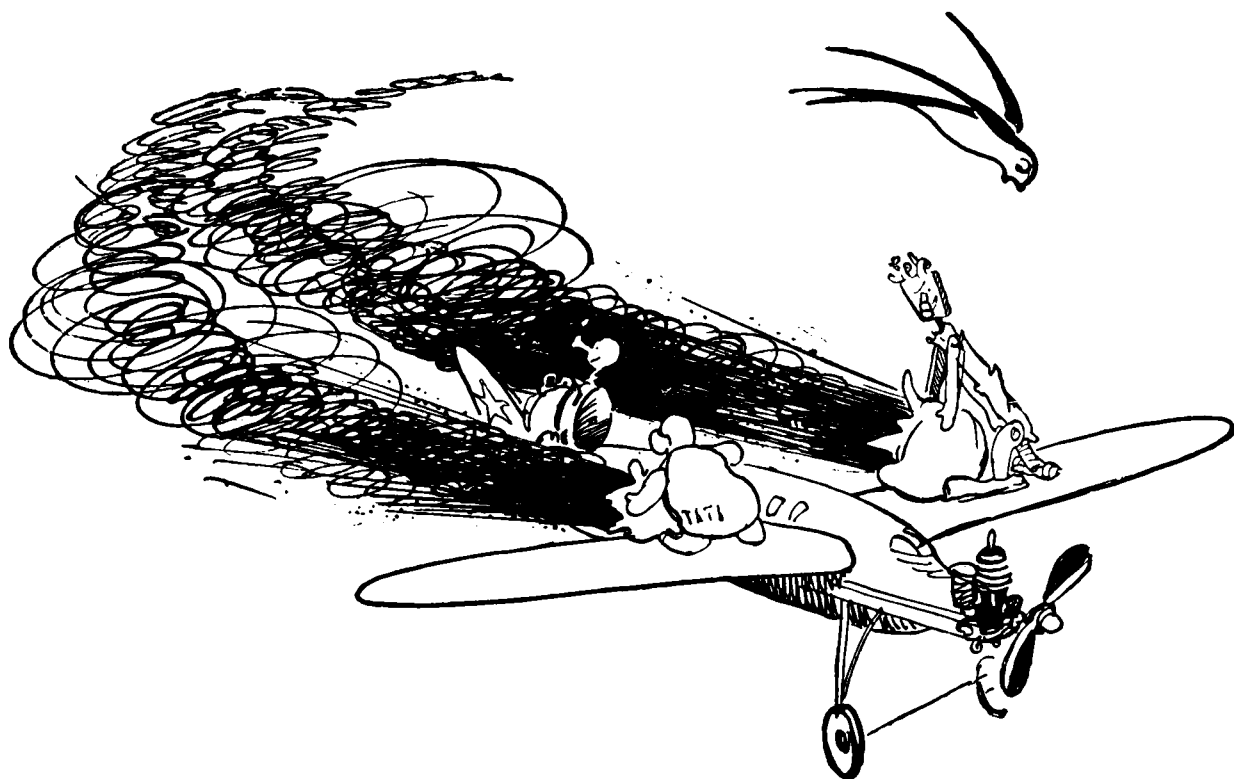
— Всё ясно, — заглядывая в мотор, сказал Непоседа. — Бензин кончился — самолёт приземлился. Дело поправимое. В наш век техника и не из таких положений вывозит.

Да что много говорить! Мальчики не зря жили в комнате детского творчества, не зря водились с отличными мастерами. Каждый из них в любую минуту мог стать и лётчиком и вертолётчиком, а если надо, справился бы и с реактивным самолётом.

— Раз бензина нет, — сказал Непоседа, — собирайте грибы-дождевики. Смотрите, сколько их здесь!

Мальчики принялись собирать старые, жёлтые, круглые, как мячики, грибы, от которых никому никакого проку нет. Но если их раздавить, то они стреляют и из них вылетает струя бурой пыли.

— Лучше реактивных двигателей не придумаешь! — сказал Нетак.

Вооружившись грибами, Мякиш и Нетак сели на крылья, а Непоседа на хвост. И только раздавили они по первому грибу, как самолёт взвился ввысь.

«Пах-пах-пах!» — хлопали грибы, выбрасывая длинные струи пыли. Самолёт стремительно мчался над лесом.

Конечно, это не был шум настоящего реактивного самолёта, и нашим лётчикам приходилось шипеть и свистеть самим.

Подходила очередь последнего гриба. Не успели они его раздавить, как вдруг внизу на поляне показались белые палатки и мачта с красным флагом. Самолёт начал плавно опускаться вниз, прямо на дружинную линейку.

Навстречу бежали ребята и громко кричали:

— Глядите, самолёт!

— Сам прилетел?!

Когда же они рассмотрели пилотов, поднялся невероятный шум.

— Непоседа?!

— Ой, смотрите, Мякиш!

— И Нетак здесь!

— А мы про них и забыли!

— Ура-а-а-а!

Радость встречи была так велика, так хотелось всем приласкать и потрогать игрушечных малышей, что началась обычная история. Ребята вырывали мальчиков друг у друга из рук. При этом они изрядно помяли Мякиша, а Непоседе и Нетаку выкрутили руки и набили немало шишек. Но кого могли волновать

синяки и шишки, если торжествовала давняя, крепкая ребячья дружба!

Наконец самодельные мальчики попали в руки своих мастеров, в знаменитые умелые руки! Сразу нашёлся винтик, которого так не хватало Непоседе, инструменты, чтобы отшлифовать Нетака, и пластилин, из которого Мякишу будут сделаны недостающее ухо и кусок правой ноги.

Встреча превратилась в настоящий праздник. Ребята затеяли кукольный театр и хотели в весёлой пьеске пробрать упрямцев, ленивцев, непосед, а заодно маменькиных и папенькиных сыночков, которых в любой школе и в любом лагере нетрудно отыскать.

Кому же поручить такие ответственные роли, если не нашим героям! Им тут же вручили тетрадки с ролями. Там были и весёлые частушки и остроумные сценки. . .

Но глаза у игрушечных мальчиков были полны тревоги: в толпе ребят они не видели Пети.

— Он давно уже здесь, — сказали ребята и расступились.

Друзья увидели Петю. Он бегал босиком по траве и гонял красный футбольный мяч. Карманы его были доверху набиты печёной картошкой и за щекой тоже была картошка. Глаза его сверкали, а по щекам разливался яркий румянец. Он ещё не был определён в отряд, и старшая пионервожатая как раз сейчас занималась этим вопросом.

Говорят, на следующий день в лагерь приезжали Петины мама и папа, но домой увезти его не смогли. Петя обхватил руками дуб и не подпускал к себе родителей.

— Мой сын должен немедленно ехать домой! — настаивала мама.

— Домой, — говорил папа.

— Ваш Петя должен быть здесь! — убеждала вожатая.

— Здесь, — говорил папа.

Тут мама вспомнила свой докторский язык и с его помощью начала доказывать, что Пете необходим домашний режим.

— Мой ребёнок болен, у него анги-
ни! — убеждала мама.

— Ангини, — подтверждал папа.

— А у нас он — здоровини! — улы-
баясь, говорила врач.

— Здоровини, — соглашался папа.

Родителям ничего не помогло. На
защиту Пети стал весь пионерский ла-
герь. Мама и папа уехали ни с чем и
увезли обратно большой шоколадный

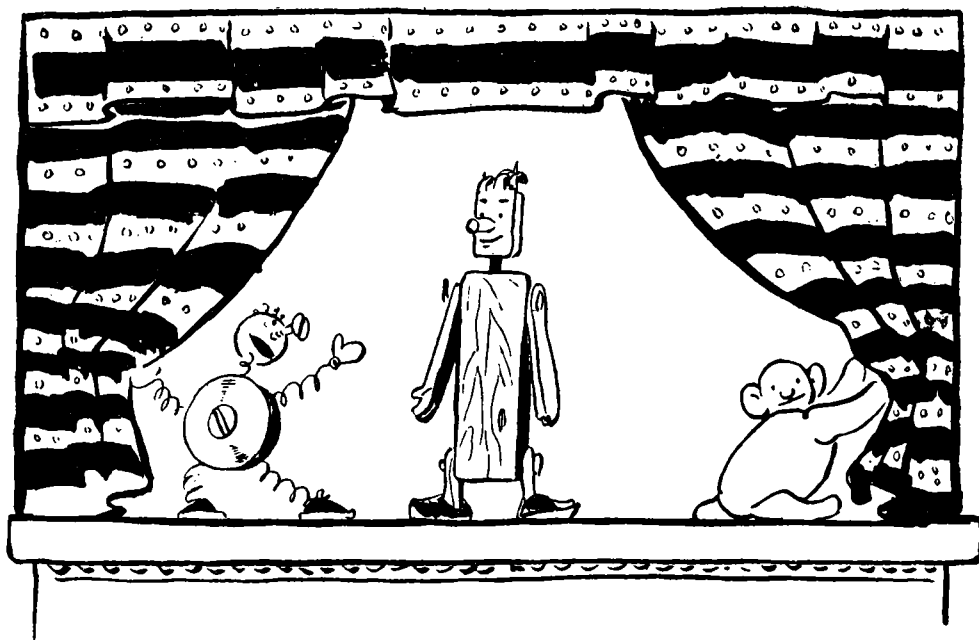

торт, от которого Петя впервые отказался. И правильно сделал. Потому что простая картошка и хорошие товарищи — лучшее лекарство от капризита.

Вот и всё. На этом заканчивается правдивая история Пети Мамина-Папина и небывалые приключения самодельных игрушечных мальчиков. Как сказала бы Петина мама на чисто докторском языке:

КОНЕЦ

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>ГЛАВА ПЕРВАЯ,</i> без которой эта история не имела бы начала . . .	5
<i>ГЛАВА ВТОРАЯ</i> Приключения начинаются	9
<i>ГЛАВА ТРЕТЬЯ,</i> из которой вы узнаете, что было потом, и о том, как началось путешествие наших героев	13
<i>ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,</i> из которой вы узнаете, какие препятствия встали на пути к Пете	17
<i>ГЛАВА ПЯТАЯ</i> Петя, мама, папа и капризит	20
<i>ГЛАВА ШЕСТАЯ</i> Новый способ игры в футбол. В «Детский мир» за успокаивающим средством	27
<i>ГЛАВА СЕДЬМАЯ</i> Первая и неудачная встреча с Петей. Рассуждения о ботинках. Несколько слов о плюшевом осле . . .	29
<i>ГЛАВА ВОСЬМАЯ,</i> в которой состоится путешествие вокруг «Детского мира» и весьма приятное знакомство с постовым милиционером	36

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	
Уличная катастрофа. Добрый дух и добрая Феня .	41
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	
Поездка в кремовом автобусе	49
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	
Побег	53
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	
Петя сам ходит по улице. Цирковая тележка. «Але-оп — сальто-мортале—кульбит—гав-гав-гав!» .	58
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	
и, несмотря на это, счастливая, потому что все наши путешественники попадают в цирк	61
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	
Новые таланты Пети	65
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	
Под куполом цирка. Небывалая футбольная встреча	68
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	
20 : 3 в нашу пользу. Триумф фокусника Клеопарди .	72
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ	
в которой вы подробно узнаете обо всём, что в ней написано, и ещё кое-что о Пете	81
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ	
«Спасайте Петю!..»	86
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ	
«Верии соску!» Третий благородный поступок . . .	89
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ,	
в которой наконец-то состоится встреча всех героев .	93
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ	
О том, как был отремонтирован Непоседа, и о новых препятствиях на пути	96
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ	
Косяк золотых лещей. Папа объявляет бунт... . .	100
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ	
О том, как могут пригодиться соломенная шляпа и футбольный мяч	104
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	
Моряк Нетак. Дорога в лагерь	107
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ,	
без которой эта история не имела бы конца . . .	111

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Чеповецкий Ефим Петрович

НЕПОСЕДА, МЯКИШ И НЕТАК

Повесть-сказка

Ответственный редактор С. Е. Миримский.
Художественный редактор Н. Г. Холодовская.
Технический редактор И. Г. Найденова.
Корректора Т. П. Лейзерович и В. К. Мирингоф.

Сдано в набор 2/II 1959 г. Подписано к печати
29/IV 1959 г. Формат 84×108^{1/16} — 15,25 печ. л. —
12,53 усл. печ. л. (7,61 уч.-изд. л.).
Тираж 115 000 экз. Цена 4 руб.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Отпечатано с матриц 2-й фабрики детской книги
Детгиза Министерства просвещения РСФСР, Ле-
нинград, 2-я Советская, 7. Минским полиграфком-
бинатом имени Якуба Коласа. Минск, ул. Крас-
ная, 23. Заказ 334.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР**

*В 1959 году для детей младшего школьного возраста
выходят в свет следующие книги современных писателей:*

- БАРТО А. — Звёздочки в лесу.**
Стихи о том, как отдыхают, веселятся и трудятся в лагере октябрята
- БЕДАРЕВ О. — Мы с Витькой.**
Повесть о двух мальчиках, которые провели лето в одном из колхозов
- БОРОЗДИН В. — Тимкины язычники.**
Рассказы о ребятах, об их жизни, труде и мечтах, о смелых поступках, о крепкой дружбе
- ВВЕДЕНСКИЙ А. — Стихи.**
Избранные стихи на различные темы из жизни детей
- ДУРОВА Н. — Котёк.**
Рассказы о жизни животных в цирке, о работе дрессировщицы
- ЕМЕЛЬЯНОВА Н. и ЧЕЛИНЦОВА В. — Окся — труженица.**
Рассказ о маленькой трудолюбивой девочке народа коми, о её жизни на Севере
- ЖЕМАЙТИС С. — Журавлиная дорога.**
Повесть о приключениях деревенских ребят, совершивших путешествие по реке
- КОНОВАЛОВ В. — Оляпка-водолаз.**
Рассказы натуралиста о природе и животных Кавказа
- МИНУТКО И. — Девочка из нашего класса.**
Рассказы о школьниках, о ребячьих делах и смелых поступках, о дружбе их с животными
- ПАСЬКО С. — Степана.**
Рассказы о детях, об их дружбе с животными.
-

Цена 4 руб.

Де м'я и 3 1959.